

Часть 2
НЕТ СМЫСЛА БЕЗ ТЕБЯ

ЕДИНСТВЕННЫЙ
ЧЕЛОВЕК
НА ЗЕМЛЕ

Сергей
ФЕДДОРАНИЧ

Без права на жизнь

Сергей Федоранич

**Единственный человек на земле.
Часть 2. Нет смысла без тебя**

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Федоранич С.

Единственный человек на земле. Часть 2. Нет смысла без тебя /
С. Федоранич — «Автор», 2018 — (Без права на жизнь)

ISBN 978-5-04-090587-4

Прекрасной сказки не случилось... Кто-то уверен: на сцене «Олимпийского» Сашу Лаврова не убили, ему удалось скрыться и теперь он живет чужой жизнью. Чтобы его выманить, враг методично уничтожает все, что Саше было дорого, разрушает жизни людей, которых он любил. Самое страшное оказалось не позади, потому что настоящее зло всегда доводит дело до конца. Финальный аккорд истории о силе и прощении. Ранее роман был опубликован под псевдонимом «Федор Анич» и названием «Нет смысла без тебя»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090587-4

© Федоранич С., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Федоранич

Единственный человек на земле.

Часть 2. Нет смысла без тебя

Глава 1

Ника

Я ожиревшая корова. И дело даже не в том, что я заплыла жиром. Да, его больше, чем мяса и костей, вместе взятых. На руках шматы сала, которые трясутся как желе; внутренние части бедер стираются в кровь, когда я начинаю подниматься по ступеням, а когда просто иду, то сыплются искры. Но страшнее всего выглядит спина – там отросла вторая пара грудей. Причем больше, чем те, на которых есть соски. Это ужасно, боже мой, ужасно! Нужно срочно что-то делать. Но вот что? Как сбросить добрых пятьдесят кило?

Уже больше года я сижу дома. Раз в неделю выхожу на променады до ближайшего супермаркета. Дома я не делаю ничего. Валяюсь на диване, смотрю сериалы или читаю газеты (их мне приносят домой), я отслеживаю одно-единственное дело: судебный процесс над Наркобароном.

Еще год назад я была активной бизнес-вумен, директором популярнейшего певца, жила и работала в Америке, водила дружбу с владелицей модного дома Allegro (да-да, с той самой Памелой Аллегро). Но случилось страшное: Диму убили прямо на сцене во время выступления в Москве. Неизвестное лицо застрелило, так говорят в полиции в России, а американцы, которые в расследовании убийства заинтересованы больше, выдвигают кучу версий: дикий фанат, месть, корысть, устранение конкурентов... Ни с одной из версий я не согласна. Я уверена, что Диму убил Наркобарон, и вот почему: Дима был единственным свидетелем, готовым дать показания против него. Именно поэтому его поместили под программу защиты свидетелей здесь, в России. Дали ему новое имя – Дмитрий Грановский (хотя урожденный он Александр Лавров), а потом спрятали на виду у всех: сделали из него суперзвезду, и он получил еще одно новое имя – Джейсон МакКуин.

После убийства Димы Наркобарон, долгое время находившийся в бегах, объявился и был взят ФБР при попытке пересечь границу, подлец пытался вернуться в Россию. Конечно, бояться ему больше нечего, ведь нет ни единого человека, который мог бы его опознать.

Димкиного тела у меня тоже нет. В ту ночь его забрали, не выдали и не выдадут, пока не окончится суд над Наркобароном.

В общем, все, что я делаю круглые сутки, – ем, сплю, смотрю телик, читаю газеты и думаю. Неудивительно, что я раскоровела...

Повернувшись к зеркалу задом, я потрясла складками, увлеклась и начала выписывать пируэты «задними» грудями. Да уж, и на эту грудь впору лифчик покупать. Почему я такая толстая?

В мае прошлого года не стало Димки, и буквально через неделю оказалось, что мы все уволены. Я не успела к тому времени вернуться в Лос-Анджелес и правильно, – «Коннор Дис-трибьюшн» аннулировал мою рабочую визу и разрешение на работу. Виллу отобрали, все вещи сложили в гараж, чтобы после судебного процесса продать. Да, Коннор подал на нас в суд с целью покрыть убытки. Как-то он пронюхал, что все заработанные деньги Димка отписал мне, и решением Лос-Анджелесского суда все средства заморожены на счету в Калифорнии

до принятия этим судом решения. Интересно, что бы я делала, если бы не получила деньги? Я, собственно, на них и живу сейчас. На моем личном счете осталось около пяти тысяч долларов, на Димкином – нетронутая сотня, к которым еженедельно прибавляются роялтиз с воспроизведений Roberto. Это и сегодня абсолютный хит. Рингтоны, реклама, продажи в электронном виде и продажи на физическом носителе – Коннор по-прежнему зарабатывает на Димке. Но на деньги мне плевать, я хочу другого.

Я почти перестала рыдать днями напролет, все-таки прошло больше года. Но это совершенно не говорит о том, что я успокоилась. Нет, я, как и прежде, в бешенстве. У меня все еще есть вопросы. Я все еще помню глаза Димы, когда он упал на сцену после выстрела. Этот взгляд... Боже мой! Боль, недоумение, страх. Ему было страшно выходить на сцену в ту ночь, он боялся русской публики. Но его пугало и что-то еще, он не мог точно сказать, что конкретно. Но что-то было. Что-то точно было, я чувствую это!

Я стояла у края сцены, со стороны зрителей. Вышла туда специально, чтобы Димка мог посмотреть на меня и успокоиться. Это важно и нужно, особенно если зрители вялые, совсем никакие (как всегда в России), а Дима боялся, что им не нравится выступление, что не нравятся песни и все такое. На самом деле это не так. Просто русские – народ гордый, пока не пнешь – не полетят. И несмотря на то что Дима выступал под занавес, большинство зрителей еще стеснялись друг друга, чтобы отжигать так, как желало тело. Ребята из балета говорили, что многие американцы не любят выступать в России именно поэтому: слишком застенчивый зритель. И если есть возможность отказаться от концертов в России, то вычеркивают Москву из графика или ставят в самый низ, чтобы выступить перед россиянами тогда, когда уже по фигуре реакция зала.

Я пробралась к «навершию» пирамиды (в таком виде была выстроена сцена) за три минуты до начала финального отделения Димы. Он был полностью готов, я оставила его за кулисами с Брэдли, на проекторах шла интерлюдия, отсчитывающая от пятнадцати до нуля, а народ тихонько шептался. Я слышала, что они говорят: «это офигенно», «какой он молодец, из низов в самый верх», «давайте визжать будем, когда он выйдет?». И многие поддерживали идею «визжать». Поэтому я улыбалась, когда Дима вышел. Ему бы понравился финал. Люди были готовы плюнуть на свои страхи и застенчивость, они были готовы отжигать!

Он вышел. Он только и успел подойти к краю сцены, чтобы поблагодарить зрителей и дать мне «пять». Протянул руку и даже немного согнул колени, и в этот момент прогремел выстрел. Я слышала его, несмотря на шум толпы. Я видела этого человека – он был среди танцоров, кучкой стоявших за Димой. Мужчина в темном костюме и бейсболке. Сделав свое дело, он попятился и скрылся за кулисами, откуда его упустили все. Минуты, которая потребовалась танцорам и мне, чтобы осознать, что произошло, хватило убийце на то, чтобы скрыться. Первой закричала я, а потом и весь зал. Я карабкалась на сцену, чтобы схватить Диму за руку, сказать, что все будет хорошо, но никак не могла, чертова задница весила целую тонну! Я карабкалась как дура, а потом погасили свет, и я, ослепнув и потеряв координацию, рухнула на рельсы, по которым ездила тележка с камерой.

Когда я ворвалась за кулисы, тела Димы уже нигде не было. Меня перехватил Брэдли со слезами на глазах. Он заковал меня в объятия и крепко держал. Я пыталась вырваться, но не могла. Он что-то тихо говорил мне, а я рвалась. Я помню, что пинала его, била руками, но он не ослаблял хватки. Я видела танцоров, которые сидели с огорошенным видом прямо на полу.

Мне сказали: он не выжил, пуля попала в сердце. Реанимация не дала результатов. Нам очень жаль.

Я хотела видеть его тело. Но мне ответили – пока нельзя, чуть позже. И вот прошел уже год, а я так и не увидела тела Димы. Нам не показали его, не дали забрать и похоронить. Мы уехали с площадки в гостиницу, откуда я сбежала к себе домой. Взяла такси и приехала. Ключей у меня не было, они были у Васи, потому что у меня всего один комплект, а кому-то ведь

надо было следить за квартирой и поливать цветы, пока я работала в Америке. Я сидела в коридоре возле двери очень долго. Мне беспрестанно звонили, соседям это надоело – на рингтоне у меня громко и практически непрерывно играл Roberto. Соседка по лестничной клетке ответила на один из звонков от Брэдли. Сказала, куда надо ехать, он приехал и забрал меня.

Неделю мы жили в гостинице. Я не вылезала из кровати, ничего не ела, только пила воду. Из Америки приходили новости. Самая важная новость была: Вася встал на ноги.

– Все равно все умрут, – ответила я тогда Брэдли. – Все всегда умирают. Хороших финалов не бывает. Есть только это говно, и мы плаваем в нем, пока не захлебнемся.

Этот период жизни сильно сблизил нас с Брэдли. Я забыла в один миг все, что хотела сотворить с ним. Все обиды прошли, мы стали одной командой, жили вместе и спали в одной постели. Между нами не было ничего, что бывает обычно между мужчиной и женщиной, ничего, кроме секса. Секс был. Но я ничего не могу сказать об этом – я просто не помню. Первый раз это случилось в ночь убийства Димы, а следующий раз перед отъездом Брэдли в Лондон, когда мы на прощание напились и все такое. Никакой романтики и отношений. Мы по-прежнему были коллегами, а романтика поставлена на «паузу». Возможно, оно и к лучшему. Я была не готова к чему-то большему, чем просто тот быт, который был, и рамки тех отношений, которые уже сложились. Брэдли, конечно, делал какие-то шаги, но под весом трагедии они были практически неслышны, и я их просто игнорировала.

А потом посыпались обвинения от Коннора. Во всем были виноваты мы с Брэдли. Он сказал, что я могу не возвращаться, а Брэдли пусть едет в свою Британию и разваливает там бизнес своего отца, чертов неудачник. Подкрепляя свои слова, Коннор подал несколько исков, но суд согласился рассмотреть только один: о возмещении убытков в связи с несоблюдением условий договора страхования. Я читала иск, но сутью не прониклась. Я помню, что с площадкой в Москве были какие-то проблемы. Изначально планировалось выступление на площадке перед ВДНХ, но чуть ли не в последний день шоу перенесли в «Олимпийский». Как раз в этом страховая компания и видит корень всего зла: Брэдли объяснил, что мы не должны были допускать изменение площадки без согласования технических и бытовых условий со страховой компанией. Страховая не разрешила бы выступление Димы на площадке, где в свободном доступе все закулисное пространство.

– Но ведь это не так, – возразила я. – Никакого свободного доступа! Вход строго по пропускам!

Оказывается, в этой системе туча прорех: открытая площадка на крыше (убийца мог спуститься по веревочной лестнице с вертолета), нелицензированная охрана (убийца мог подкупить охранников), волонтеры, которых не проверяли (среди них и был тот самый убийца). Вышло, что из-за нашей с Брэдли невнимательности произошло следующее: убийца-волонтер спустился на площадку по веревочной лестнице в сопровождении купленных охранников. Какой же это бред!..

* * *

Новые газеты не принесли каких-либо новостей. Все, что там муссировалось, мне было давно известно.

Но этого подонка арестовали! Фотография мерзоподобного типа цыганской наружности облетела все СМИ мира. В длинном кожаном пальто, пузатый, с мокрыми волосами и невозмутимым лицом, Наркобарон шествовал по залу вылета в аэропорту Чикаго, вокруг него суетились несколько цыганят, кто-то тащил чемоданы, а кто-то деловито общался по мобильнику. Полицейские задержали всех сразу, Наркобарон был скручен в тугий бублик с заведенными руками за спину, а цыганята стройным рядом проследовали в мигающий красно-синим автозак. Наркобарона везли отдельно, в полицейском «Форде».

В заголовках писали не столько о его преступлениях, связанных с наркотиками, сколько об организации убийства Джейсона МакКуина. Но ни одна из газет не сообщала, что Джейсон МакКуин был русским парнем, а все дело в том, что на момент гибели он находился под программой защиты свидетелей США.

Да, эта новость стала для меня новостью № 1. Я знала, что Дима отказался от русской программы защиты, но что согласился стать участником американской – и не подозревала.

Наркобарону предъявили несколько десятков обвинений, самые тяжкие из которых – преступная деятельность по всему миру, включая территорию США (что-то связанное с организацией транзита наркотиков через Аляску), создание преступного сообщества и заказное убийство Джейсона МакКуина (Дмитрия Грановского и Александра Лаврова – в одном лице) как единственного свидетеля, знавшего Наркобарона в лицо.

В эту версию я верила охотнее, чем в то, что предлагали до этого, – бешеные фанаты, разъяренные любовницы...

По словам нескольких изданий, знакомых с материалами уголовных дел, обвинение разделило все преступления, о которых им было известно, на два блока: российская часть и международно-американская часть. В первый блок были включены все преступления, связанные с наркотиками и организацией преступных группировок, а во второй – убийство Джейсона МакКуина, свидетеля, помещенного под американскую программу защиты.

На допросах Наркобарон (его имя не раскрывалось) отрицал все преступления, включая заказ на убийство МакКуина, но охотно демонстрировал бесстрашие. Когда ему предъявили показания Джейсона МакКуина, он лишь ответил: «У вас нет свидетелей, а этот человек – мертв», расписавшись тем самым для общественности под признанием вины.

Всю осень я читала российские и американские газеты. В российских писали невнятные требования МИДа о выдаче преступника в Россию для справедливого осуждения по российским законам. Но американцы отказывали в выдаче, ссылаясь на необходимость суда на их территории в связи с убийством гражданина США, бывшего под защитой государства. «Раскрытие сведений, содержащих государственную тайну Соединенных Штатов, недопустимо для целей восстановления справедливости в другой стране, – писали американские издания. – Вместе с тем американская прокуратура готова организовать встречу с представителями Российской Федерации для обсуждения вопросов совместного обвинения преступника перед американским судом». В общем, юристы мерились членами, а уголовное дело тормозило. Я не понимала, что мешает американцам приступить к суду, наплевав на требования Москвы, но потом выяснилось: прокурор собирал овации. Отстоять преступника и осудить его в Америке, ведь он задел честь и гордость страны – гражданина США! Особого гражданина США!

Изучение свистопляски в судебной системе Штатов стало для меня занятием на целый месяц. Мне было важно и нужно понять, какой суд и по каким законам будет судить Наркобарона, но все оказалось не так просто.

Стоит начать с того, что обвинение Наркобарону выдвигал криминальный следственный отдел ФБР, у которого совершенно отдельная подсудность, не на уровне городов, а на уровне окружных судов.

В декабре уголовное дело в отношении Наркобарона было передано в Окружной суд США по Южному округу штата Иллинойс, что располагается в Ист-Сент-Луисе, так как арест преступника произвели сотрудники Чикагского криминального следственного отдела ФБР.

В ходе первого заседания обвинение невнятно бляло перед судом, не в силах ответить на вопросы о заказном убийстве МакКуина, утверждая лишь, что «располагают весомыми доказательствами», вместе с тем сторона защиты требовала представить эти доказательства, но безрезультатно. У обвинения не было ни орудия преступления, ни непосредственного исполнителя. Ничего не было. В конце концов суду эта тягомотина надоела, и был объявлен перерыв для более тщательной подготовки к процессу. За это время обвинение должно было

предоставить все доказательства стороне защиты, а защита – письменно изложить свою линию и передать обвинению.

И тут начался фарс! В апреле посыпались запросы в Россию: американские прокуроры требовали представления доказательств против Наркобарона по российскому блоку обвинений, а Россия отказывалась предоставить их, мотивируя это отказом в удовлетворении «интересов несанкционированного Россией процесса». Американцы пошли на уступки, в апреле состоялась встреча, в результате которой был подписан международный договор об участии Российской Федерации в судебном процессе против Наркобарона. Обвинение работало круглосуточно, и шестого мая окружной прокурор вручил в руки адвокатам Наркобарона двести томов обвинительного заключения и шестьдесят коробок с вещественными доказательствами. Фотографии этого пафосного обмена на своих страницах напечатали все мировые издания. Обвинение было готово к суду.

Двадцатого февраля состоялось второе слушание с участием российских и американских прокуроров. Адвокатская свита Наркобарона заволновалась. В прессе золотой линией выписывался неминуемый обвинительный приговор. Объединившись, американо-российское обвинение задавило аргументами защиту: были представлены материалы доследственных проверок, показаний «тайных агентов» (которые по российскому праву именовались «свидетелями, информация по которым не подлежит разглашению»), заключения экспертиз.

«Суд над крупнейшим наркодистрибьютором пройдет в эту пятницу в Ист-Сент-Луисе», – трубили заголовки на передовицах деловых изданий.

В Интернете информации было ничтожно мало: информационная война между США и Россией нивелировала интернет-источники, в них никто не верил. Оставалась только печатная пресса: почему-то считается, что отпечатанная на газетных страницах ложь становится правдой.

В общем, как-то так.

Я вышла из дома. Солнце. Жара. Душно. Вернулась обратно, в квартире работает вентилятор. Я накинула на него мокрое полотенце, и он дует прохладным влажным воздухом. Как выйти из четырех стен дома и снова начать жить?

Нет, я не ополоумела от горя так, что теперь хочу тихо скончаться в уголке кровати, а потом полгода вонять, разлагаясь, пока меня не обнаружат разъяренные едким смрадом соседи. Нет, все не так.

Я очень любила Димку. Но... Все этапы наших отношений пролетели очень быстро. Я была и мамочкой, и ненужной обузой, боевой подругой, сестрой и деловым партнером. Все это было. Я любила Диму как брата, его смерть подкосила меня как любого человека смерть близкого.

В голове постоянно крутился один и тот же вопрос: «Но как же так?.. Как так?..» Если Димка за двадцать с небольшим лет пережил в этой чертовой жизни все, что только мог придумать ему тот, кто сочиняет эту хреновую историю, умер – был застрелен, как баран на скакотбойне, – то куда мне, со свиным рылом?.. Я хочу сказать: несправедливость этой чертовой жизни приковала меня наручниками к батарее в собственной квартире и не дает выйти и начать жить, а заставляет скулить и жиреть. Вот и сижу у батареи, обняв руками ноги (не сцепляются: короткие руки или толстые ноги?), и тихонько скулю. Что мне еще делать? Все рано или поздно кончается плохо, ничего хорошего никому в этой жизни не светит. Все мы умрем, все тлен, безысходность...

* * *

В среду я снова выперлась на улицу. Меня раздражало все – и солнце, и орущие дети, и гавкающие шавки. С трудом преодолевая омерзение, я доперлась до стоянки, где был припаркован мой автомобиль, весь покрытый пылью и голубиным пометом. Крыша, лобовое, дверцы, даже радиатор! Это же надо так извернуться, чтобы нагадить на радиатор! Ой, да плевать, так поеду.

Машину я купила в прошлом июне, до того, как заперлась в своей квартире, тогда я ездила по Москве с безумными глазами, пытаюсь выяснить все на свете. Это был скорбный период моей жизни, и мне было плевать, на чем ездить... Вполне себе сносный «Мицубиси» темно-шоколадного цвета, без фанатизма, абсолютно не женская модель. Старенькая, но в отличном состоянии.

Я держала путь в «Зельгрос». Вернее, только собиралась его держать, ибо по лобовому стеклу дворники упорно гоняли голубиное дерьмо, размазюкивая соплевидную жижу, не давая никакой видимости. Господи, как я устала жить!..

Глядя на разлетающиеся хлопья моченого помета, я еле сдерживала слезы. Ну и что дальше? Так и буду реветь в машине и смотреть на эту пастель на лобовом стекле? Мне захотелось умереть немедленно, прямо сейчас, чтобы не мучиться. Мне нужен толчок, пинок под зад. Что-нибудь! Пожалуйста, мне нужно хоть что-нибудь!

Ничего. Все та же духота салона, все та же тишина, и только глухой звук работающих дворников. Вздохнув, я вытащила из сумки влажную салфетку и вылезла из машины. Раскидала помет, обтерев себе окошечко, села обратно в машину, завела двигатель и покатилась в «Зельгрос» на Алтуфьевском шоссе. По дороге я увидела автомойку и зарулила туда. Жутко не хотелось тратить время ни на что, все раздражало, бесило, не было сил. Но очереди не оказалось, и я сдала машину в руки неряшливого парнишки в форменном комбинезоне, а сама отправилась на второй этаж пить кофе. Естественно, купила пирожное, потом еще одно. В конце концов заказала еще и суши, а к ним – кусочек (полкруга) пиццы.

На экранах шел какой-то показ, по подиуму дефилировали тощие вешалки в роскошных нарядах, в которых только ворон пугать. Памела говорила, что подобные вещи создаются для имиджа, а деньги делают самые обычные, не вызывающие, изделия, приятные для глаз и подходящие для повседневного использования. Я вспомнила про чудесные туфли, подаренные мне Памелой, которые так и остались в Лос-Анджелесе. Наверное, пылятся сейчас в гараже... А еще Памела обещала платье подарить, когда я похудею.

Я почти с ностальгией вспомнила Памелу и наши с ней приключения. Да, эта старая швабра давала мне фору не только на танцполе, но и за столом – она могла перебить кого угодно. Когда я падала окосевшая, Памела только принимала аперитив. Поистине лошадиное здоровье у бабы...

И тут я замерла с открытым ртом.

На экране появилась Памела Аллегро, собственной персоной, она, виляя бедрами, шествовала по подиуму, принимая овации. На лице – безмятежное счастье. Одета в невероятное платье цвета морской волны, обтягивающее стройную фигурку и обнажающее ноги ниже колена. А на ногах... О боже! Это те самые туфли! Вот ведь тварь какая!

Я думала, что это меня расстроило, но внезапно осознала, что чувства несколько иные. Меня как будто кто-то по голове огрел мешком с картошкой. Я прямо макушкой почувствовала удар десятка твердых шариков, один, кажется, разmozжился. Я отодвинула от себя тарелку с недоеденной пиццей и расплатилась по чеку.

Внизу меня уже ждала вымытая «Мицубиси». Я села в машину и поехала совсем не в «Зельгрос». Меня интересовали медицинские центры похудания и диетологи.

* * *

К вечеру я вернулась домой, увешанная сумками с продуктами «правильного» питания. В руках у меня был пакет из одного центра похудения, в который я свалила буклеты из остальных посещенных. Мне не понравилось ни разу нигде, никто не смог убедить меня, что их деятельность направлена на реальное достижение моего результата. Каждый мой вопрос сопровождался выразительным взглядом в прайс, после чего мне сообщали, что, наверное, стоит выбрать комплексный подход и решить все проблемы сразу. За месяц ничего не выйдет, но за два-три года ежедневной работы и еженедельного наблюдения можно достичь неплохих результатов... Да уж.

Я нарыла среди буклетов нужный – тот, в котором описывались калории. Отлично, будем их считать. Далее, на самом дне лежал буклет из фитнес-клуба, вроде бы у них сейчас скидки... На буклете фитнес-клуба была какая-то странная таблица под заглавием «Индекс массы тела», и в зависимости от категории (1, 2, 3 или 4) был указан прайс на тренировки. Для определения этого самого индекса нужно было вес разделить на рост в кубе. В доме у меня были весы. Встала баба на весы... 125 кг! О боже! Какой ужас! Ужас!

Трясущимися руками я схватила калькулятор. ИМТ 37,3. Эта цифра находилась в третьем столбце в диапазоне 35–40 и с красненьким пояснением: «Ожирение второй степени, срочно в зал!»

Я позвонила в фитнес-клуб и сообщила девушке, ответившей мне, что буклет велел срочно нестись в зал. Девушка со смехом ответила, что все не так страшно и в принципе может подождать до утра, но если я настаиваю (я настаивала!), то могу явиться прямо сейчас, клуб работает круглосуточно, и все необходимые специалисты в наличии. Мне продиктовали, что нужно взять с собой: паспорт, деньги, спортивную одежду, принадлежности для бассейна и отличное настроение, ведь я делаю шаги к успеху!

Последние слова девушки меня расстроили невероятно. Я поблагодарила ее и сказала, что сейчас приеду, а сама сходила на кухню, взяла коробочку с печеньем, пакет молока, прошлепала на балкон, уселась в мягкое кресло и сожрала всю коробку, запив половиной пакета молока, а потом долизала печенюшные крошки, ненавидя себя больше, чем когда-либо.

Никаких шагов к успеху не существует. Это иллюзия. В результате всегда будет дерьмо, тлен, безысходность...

* * *

Заснула я там же, на балконе. Недопитое молоко разлилось по ногам, подсохнув на утреннем солнце как лужица рвоты. С омерзением я стянула с себя испачканную футболку и отправилась в ванную, застирать.

«Задние» груди тряслись в такт моим движениям, пока я отстирывала футболку, по щекам текли слезы. Ну почему все так? Ну что, блин, такое? Что дальше-то будет? Я так и буду сидеть дома, жиреть и трясти «задними» сиськами?

Наипротивнейшая муха, жужжа всем своим естеством перед моим лицом, надоедливая как сам черт из табакерки, кружила надо мной как над остывающим трупом. В конце концов она, видимо, подустала и стала метиться присесть мне на нос. Жужжала и жужжала, пока не разъярила меня до чертиков. Почернев от злости, я стала размахивать мокрой футболкой размером с добрый плед, желая настичь жужжащую тварь, размазать ее кишки по кафельной плитке. Но промахивалась и промахивалась до тех пор, пока не влезла на ванну и не взялась серьезно за убийство подлой твари. Я изгваздала все стены, измучилась, употела, взогрелась просто до предела. Еще несколько минут – и я была готова взорвать чертову ванну с неудо-

вимой мухой к чертям собачьим. А она все ускользала, тварь такая! Не переставая шлепать по стенам, я замахнулась и со всего маха шибанула в противоположную стену. И тут же с грохотом рухнула в ванну.

Все стихло.

И только победившая меня муха с ехидным жужжанием уселась на руку и стала слизывать кровь своим тоненьким хоботком.

Игорь

Отпуск заканчивался завтра. Вернее, сегодня – завтра уже предстояло выйти на работу. Игорь никак не мог поверить в это. Они прилетели из Венеции только несколько часов назад, а он уже хочет обратно. В страну, где нет времени, в город, где нет ненависти. С тех пор как в его жизни появилась Марина, Игорь стал остро чувствовать такие места.

Места, где ему не место.

Он бы не смог жить в постоянно комфортной среде. В Венеции ему казалось, что воздух пропитан благонадежностью и отсутствием проблем. Заскучать в Венеции – самое обычное дело. Красота наскучивает, а тишина давит на уши. Только познав в сравнении свою работу и безмятежность сказочной Венеции, Игорь почувствовал любовь к своей стране. В России много красивых мест и, конечно, есть тишина. Но это – не его места. Его место в мире, где люди не могут совладать со своими чувствами, где идут на поводу эмоций, где совершаются преступления и где людям нужна помощь.

– Ты просто очарован тишиной, – смеялась Марина, когда Игорь поделился с ней своими впечатлениями. – Тебе кажется, что у них даже преступлений нет и люди не умирают? Умирают, еще как! Просто ты не работаешь, а отдыхаешь и ничего не видишь. Не думай, что у нас, в России, все как-то иначе. Ровно так же. Менталитет немного другой, вот тебе и кажется, что там все устроено по-другому.

– Но там даже с мигалками и сиреной ни разу полицию не видел!

– Ну а у нас, на Красной площади, ты часто сирены с мигалками видишь? Мы с тобой гуляли в туристических местах, там всегда спокойно.

Но Марина его не убедила. Собираясь домой в Москву, Игорь не мог отделаться от чувства, что двух недель в тишине и спокойствии ему мало и хочется еще. Но также он знал, что жить в Венеции не смог бы.

Самолет Марины – завтра утром. У них осталась всего одна ночь, и в следующий раз они увидятся только осенью, когда Игорь возьмет несколько дней отпуска и прилетит в Иркутск. Они задумали поселиться на берегу Байкала.

Марина перешла на работу в городскую клинику и теперь трудилась посменно, но без ночных. Игорь постоянно был в разъездах. Этим они друг для друга объяснили причины, по которым все еще живут не вместе.

Но на самом деле все было не так. И Игорь отдавал себе отчет в том, что, если ничего не исправить в ближайшее время, может произойти что-то из двух: либо они расстанутся, либо привыкнут к такой жизни – и это останется навсегда. Ни первого, ни второго ему бы не хотелось. Причем даже для себя Игорь не мог решить, что будет страшнее: первое или второе, жизнь с Мариной на расстоянии, свидания урывками, по пять-шесть дней в полгода, или полное удаление ее из своей жизни?..

Он чувствовал себя счастливым, только когда приезжала Марина. С того самого дня, 29 мая, когда убили Сашу Лаврова на сцене в «Олимпийском», его дом стал для него чужим. Все вокруг замирало в ожидании, когда вернется Марина. Вещи выглядели серыми и убогими, уборка не приносила ощущение чистоты, еда была невкусной, атмосфера неуютной, а постель –

холодной. И как эта маленькая, хрупкая женщина могла зажечь собой весь его мир? Сделать из серой мрачности уютный мирок, в котором им было так хорошо вместе?..

С ней Игорь был совсем другим. В присутствии этой женщины он не мог злиться. Не мог, и все тут. На любые его попытки она начинала смеяться, как в тот день, когда он ее допрашивал, – просто весело смеялась – и все, и его губы растягивались в улыбке, и ничего он с собой поделать не мог.

Марина стала бы для него прекрасной женой, если бы не два обстоятельства. У нее на иждивении находился отец семидесяти девяти лет, инвалид, которому нужен был постоянный уход и забота, и бросить его Марина не хотела. Не то чтобы не могла – не хотела. Этот человек был очень важен для нее, он единственный родной человек. Когда Игорь заикнулся, что она и в Москве смогла бы найти себе хорошую работу – врачи ведь нужны везде, она ответила, что могла бы, конечно. Но вот отец. К своему стыду, Игорь не предложил Марине переехать к нему вместе с отцом. К появлению в доме инвалида, практически прикованного к постели, он был не готов.

И еще тут было кое-что. Кое-что, что не позволяло Игорю пригласить в свою трехкомнатную квартиру женщину, которую он любил, вместе с ее отцом.

Его собственные родители.

И мать, и отец живы. И оба – в доме престарелых. Он отправил их туда три года назад, когда оказалось, что отец совсем плох и без посторонней помощи не может, а мать не тянет одна. И Игорю приходилось мыть отца, стирать вещи, в общем, заниматься работой, имя которой – забота о престарелых близких. Мать категорически отказалась от идеи поместить отца в дом престарелых одного и заявила, что поедет туда с ним. Хотя сама она не нуждалась в посторонней помощи.

И Игорь сдал туда обоих.

Он пытался оправдаться перед собой, что у него нет ни времени, ни сил на то, чтобы обеспечить должный уход отцу, а одна мать не справится. Но это было лишь отчасти правдой. У него не было такого желания. Он просто не хотел видеть каждый день глаза отца, который стыдится своего состояния; не мог смотреть на мать, которая все никак не поймет, как такое могло произойти с ними, такими молодыми и счастливыми; как они в один момент превратились в рухлядь. Как ее любимый муж-весельчак Серега превратился в старика...

Игорь навещает родителей пару раз в месяц и видит, что отец все сдает и сдает и мама потихоньку превращается в слабую старушку. Смотреть на это невыносимо.

Пригласи он Марину с ее отцом в свою квартиру, это станет высшей степенью несправедливости по отношению к его собственным родителям. Такого Игорь допустить не мог.

Но и без Марины он не мог. И говорить об этом с ней тоже не мог – а вдруг она сама попросится с отцом к нему? Что тогда ей ответить? Игорь содрогался от одной мысли о таком разговоре. Для нее этот слабый немощный старик – близкий человек, и, безусловно, такая позиция ее обидит.

Но Марина не поднимала эту тему. Наверное, потому, что Игорь рассказал ей, где его родители. Скорее всего, она все поняла, не глупая. От этого не легче.

Каждый раз, когда Марина собиралась улететь от него в свой Иркутск, Игорь думал о своих родителях и об отце Марины. Он пытался найти выход, но не видел его. И каждый раз это угнетало так сильно, что если бы он умел плакать, то обязательно бы заплакал. От безысходности.

Звонок мобильного прервал его размышления. Игорь не знал номера, поэтому встал с дивана, на котором они с Мариной смотрели фильм, и вышел в кухню.

– Слушаю, – ответил он.

– Игорь Романов?

– Верно. С кем я говорю?

– Мое имя Арсен. Мне нужна ваша помощь.

– Объяснитесь.

– Я не могу говорить по телефону, это совершенно не телефонный разговор. Но это очень важно. Я в Москве и готов с вами увидеться хоть сейчас.

– Приходите ко мне на работу, завтра с утра. К десяти часам.

– Нет, на работу к вам я не приду, это для меня слишком опасно. Я могу встретиться с вами в людном месте, ненадолго.

– Послушайте, если вам нужна помощь, обратитесь в полицию. Я совершенно не тот человек, которого интересуют чужие проблемы.

– О да, я наслышан об этом. Но я думаю, в моей ситуации помочь можете только вы, к сожалению. – В голосе звонившего Игорь услышал презрение. Ну и черт с ним! С таким Игорь сталкивался постоянно. – Лучше бы встретиться сейчас. Или вы сможете только утром?

– Я сказал вам все. Никаких людных мест, никакого «сейчас», вы приходите ко мне на работу завтра в десять утра – и точка. Если вам нужна экстренная помощь или ваша жизнь в опасности – звоните в полицию. Номер подсказать? Сто двенадцать с мобильного.

– Игорь Сергеевич, я понимаю вашу неприязнь к звонку в ваш законный отпускной день, ваши коллеги сказали мне об этом, поэтому мне пришлось разыскать ваш мобильный. Но это и вправду очень важно.

Игорь тяжело вздохнул. У него не было дел в производстве – по крайней мере, открытых. Сейчас он занимался только подготовкой дел к судебным заседаниям, вместе с прокуратурой. Расследования могли начаться в любую секунду, но когда он уходил в отпуск, открытых у него не было. Возможно, сегодня, в среду, босс распisał на него очередное дело, которое ему передадут только завтра утром, но всем заинтересованным лицам имя следователя в дежурной части уже могли назвать.

– По какому вы делу?

– Я не могу сказать.

– А я не могу понять, насколько это срочно и важно, потому что я в отпуске и, возможно, ваше дело мне передадут только завтра. И если мое начальство не вызвало меня из отпуска сегодня, значит, либо дежурный следователь делает всю неотложную работу, либо такой неотложной работы в вашем деле сейчас пока нет! Все, мне больше некогда с вами говорить. Завтра в десять утра в офисе. Адрес у вас есть, коль уж номер моего мобильного вы раздобыли. Спокойной ночи.

Игорь положил трубку, не дав звонящему договорить. Раздраженный, он вернулся в комнату к Марине.

– Все в порядке? – обеспокоенно спросила она, поставив фильм на паузу.

– Звонил какой-то парень, которому помочь могу только я! Весь скрытый такой, ничего не говорит, не объясняет. Только твердит, что помогу ему только я.

– А ты что?

– А что я могу? Бросить тебя сейчас, чтобы встретиться с ним и что-то предпринять? У меня нет открытых расследований в производстве, только судебные, – объяснил Игорь, – неотложных мер, соответственно, также нет. Наверняка босс распisał мне в работу какое-то дело, которое я увижу только утром, а пострадавшим или родственникам уже дали мое имя как следователя, который занимается этим делом.

– А если появилась какая-то информация?

– Дело не лежит у человека, который в отпуске, – ответил Игорь, – мы же не простые следователи. У нас дело всегда при дежурном следователе, если кто-то ушел на больничный или в отпуск, его сразу передают дежурному, который работает над ним в отсутствие ведущего следователя. Если бы что-то появилось, этим сразу бы занялись дежурные, даже несмотря на то,

что расписали это дело на меня. Кроме того, он обращался в дежурную часть, и там ему сказали обращаться ко мне. Значит, ничего острого нет. Давай смотреть фильм.

Но телефон пиликнул вновь. У Игоря был смартфон, как и у Марины. И они установили приложение для обмена сообщениями, в котором создали два чата. Один – для обмена фотографиями, другой – просто для переписки. Первый чат очищался сам по себе спустя пять минут после просмотра сообщения, а второй чат сохранялся. Забавная штука, позволяющая конфиденциально обмениваться информацией – даже если телефон взломают или украдут, доступа к интимному чату не будет ни у кого, потому что в нем ничего и нет, сообщения сами удалились. А обычная переписка... Кому она нужна?.. Игорю, в принципе, все равно – он бы не сильно расстроился из-за утраты доступа к интимному чату, все-таки они взрослые люди, и особенно откровенных фотографий там практически не было. Но Марина категорически против – ее работа предполагала, что телефон может быть в доступе у всех подряд, а ординаторы в клинике не упускали шанса залезть в чужие гаджеты, чтобы потом судачить. Поэтому из множества приложений для обмена сообщениями у Игоря был только определенный мессенджер, одобренный Мариной.

Видимо, звонившему потребовалось немного времени, чтобы это выяснить – поскольку приложение само показывало, у кого из абонентов из контактов оно установлено. Периодически Игорю приходили оповещения, что у коллег или знакомых появился этот мессенджер, но он вновь созданные самим приложением чаты удалял, а на входящие сообщения не отвечал – общаться здесь с кем-то, кроме Марины, ему было совершенно неинтересно.

– Что там? – спросила Марина. – Любовницы пишут?

– Да уж точно!

Игорь открыл сообщение.

Его прошиб холодный пот.

«Имя Лизы Лавровой вам что-нибудь говорит? Завтра на Красной площади, в 11:30».

Глава 2

Лиза

Никитка плакал не переставая. Долгий, мучительный перелет утомил его. Но Лизе было все равно – она не чувствовала ничего. Все выжжено, ничего святого. Ничего своего – все чужое, даже имя. Сын, прижатый к груди, единственное существо на планете, которое родное. Все, что осталось. Больше ничего.

– Мисс Мила Романовф?

Она кивнула и показала на чемодан. Она хорошо знала английский язык, но недостаточно ориентировалась в речи, чтобы с ходу объясниться с американцем. Водитель в идеально сидящем костюме и кепке подхватил ее чемодан и указал в сторону выхода. Международный аэропорт О'Хара города Чикаго не располагает к долгим прогулкам – народ торопится на свои рейсы, тележки с багажом летают на огромной скорости. Философия больших аэропортов – прилетел и быстренько уходи, не мешай трафику.

Она прилетела в чужую страну, в чужой мир.

Но она не покидала Родину и родную землю – за ее спиной не осталось ничего, кроме горя и отчаяния. И нигде нет спасения, она в этом уверена. Она не знает, как будет жить дальше, что будет делать. Ее планы нацелены только на выживание и защиту своего сына, а мысли о том, чтобы жить полной жизнью, она оставила. Она уверена, что больше никогда не станет прежней, потому что ее сердце осталось в России. Мертвое. Оно стало слишком большим грузом...

– Куда едем? – спросил таксист.

– Отель «Ритц-Карлтон», район Голд-Кост, торговый центр «Уотер Тауэр Плэйс».

– Отличный выбор, мэ.м.

– Я знаю. Поехали.

В Москве сейчас четыре часа дня, а в Чикаго уже полночь. Малышу, наверное, очень тяжело, но ей было все равно. Она как будто не слышала, что Никитка хнычет, машинально качала его, прижимая к груди, и убеждала себя, что все сделала правильно. Что сможет выжить. Что обязана – ради сына.

У нее было две причины покинуть страну, в которой она родилась. Всего две – а нужно ли больше? Наверное, хватило бы и одной. Тот человек, который вызывает в ней inferнальный ужас, который обещал, что убьет и ее, и ее сына, никогда не найдет ее в Америке. Здесь она обретет спасение.

Но вторая причина, самая главная, увы, безнадежна. Нигде она не сможет избавиться от тяжести вины, нигде она не сможет простить себя и начать жить свободным человеком. Она проклята, и ничто уже не спасет. Все, что она может, – это сбежать от того человека и попытаться хотя бы сделать вид, что простила себя.

Но как это сделать? Как? В голове почти беспрестанно бурлящий процесс, цель которого – понять, как так получилось.

Впервые чувство вины Лиза ощутила, когда услышала Сашин голос по радио. Он пел песню. На английском языке, очень чисто и хорошо пел. Лиза никогда прежде не слышала этих слов, но мелодию узнала. У Саши было много разной музыки, но к систематизации результатов своих трудов он относился очень безалаберно. Музыку он не переносил на бумагу, а попросту забывал и создавал новую, в которой звучали все те же мелодии. Так было всегда. Сначала Лиза говорила Саше, что он просто копирует сам себя, и они подолгу спорили, Саша доказывал, что мелодии просто созвучны, да и как иначе, нот-то всего семь!

Но в музыке той песни были собраны все самые лучшие его мелодии. Песня называлась Roberto. Потом Лиза увидела клип. Она смотрела и не узнавала своего брата. Саша был полностью другим, начиная от лица, в котором от прежнего Саши остались только светло-серые, отцовские, глаза, и заканчивая контурами тела. Брат сильно похудел, почти истощился. У него всегда были мощные руки, плотные ноги, не толстые, а именно плотные, мускулистые. Паренек в клипе был худой и бледный, с тонкими ногами и впалым животом. Волосы, непривычно длинные и черные, зачесаны назад. Лиза никогда бы его не узнала, если бы не голос и мелодия. А взгляд... Саша как будто боялся всего и всех. Взгляд загнанного в угол зверя. Взгляд побежденного человека. Лиза помнила брата жизнерадостным, улыбающимся парнем, душой компании. Таким, каким увидела его Лиза на видео, Саша не был никогда.

Качая на руках сына, Лиза чувствовала, как ее сердце наливается черной тоской. Ради чего все было? Ради того, чтобы отец Арсена сбежал? Зачем? Она как мантру повторяла одно и то же: чтобы спасти жизнь отца, чтобы не было войны.

Но на самом деле, чтобы не было кому-то плохо, она позволила пожертвовать Сашиной свободой, а потом жизнью отца, а потом жизнью матери, а теперь и жизнью Саши – ведь он стал совсем другим человеком. И все ради чего?

Осознание всего масштаба бедствия пришло недавно. Она в очередной раз услышала по радио Сашин голос и в очередной раз подумала, что не может больше так жить. Вокруг – мрачные тени прошлого, в душе абсолютная пустота. Нескончаемая усталость и чугунная тяжесть во всем теле – ее мучила вина, давила и не давала дышать. И с каждым днем становилось только хуже. Вина прорастала в ее душе, причиняла сначала не острую, но теперь очень ощутимую боль, Лизе было сложно с этим справиться. Она чувствовала себя невероятно одинокой. О своей боли она могла говорить только с Никиткой, ее кровиночкой. В сыне с каждым днем проступало все больше и больше от Арсена, чем Арсен всегда невероятно гордился, заставляя Лизу чувствовать себя еще ужаснее.

Лиза почти привыкла жить с чувством вины, которое усиливалось постепенно, дозированно, вызывая привыкание. Она не боялась этого: знала, что привыкнет. Привыкнет жить без личности, жить с человеком, который не может помочь ей избавиться от убивающего чувства вины, жить ради сына. Жить на одной планете с братом и не иметь возможности рассказать ему о себе... Она с ужасом представляла, что будет, если она разыщет Сашу и расскажет ему все. Брат обвинит ее, и будет прав – ведь его не было рядом в те минуты, когда Лизе приходилось принимать решение. Он не знает, что она чувствовала. Она бы сама себя осудила, будь на его месте, и Саша осудит, он такой же, как и она. А если осудит он, то осудит и общество, и они с Арсеном сядут в тюрьму, а малыш останется без матери. Лиза стала заложницей любви к своему ребенку.

Она не спрашивала себя, что будет дальше. Она просто жила, наблюдая за тем, как растет Никитка, как становится на ноги Арсен, как делает успехи в карьере. Лиза так и не привыкла звать его мужем, ведь они официально и не женаты, свадьбы не было, она просто взяла его фамилию, и все. Когда Никитке исполнился годик, Лиза чувствовала себя погруженной в глубокий бассейн под плотной коркой льда, и выбраться на воздух не было никакого шанса.

Но, сам того не подозревая, Арсен вырвал ее из этого состояния. Наверное, чего-то подобного она ждала, но, как всегда, была не готова к чему-то радикальному. Но Арсена не интересовало, готова она или нет. Ранним утром, 28 мая, за сутки до выступления Джейсона МакКуина в России, Арсен сказал ей:

– Лиза, я так больше не могу жить. Ты сильно изменилась, ты стала какой-то другой, не такой, как была когда-то. Что с тобой происходит? Скажи мне, пожалуйста.

– Что ты хочешь, чтобы я тебе ответила, Арсен?

Этот разговор случился впервые, но с первых минут уже утомил Лизу. Она знала, что будет дальше, она знала каждую мысль, которую Арсен мог родить своим неглупым, в общем-

то, мозгом. Она знала каждый поворот его извилины и знала, в какой момент он принимает решение.

– Что с тобой происходит?

– Меня убивает совесть, – призналась Лиза.

Она не хотела начинать этот разговор. Этот разговор был ей не нужен, все равно исправить ничего нельзя. Но Арсен... Он был другим. Он был из той категории людей, которые, нагадив возле дома и не получив за это наказание, полагают, что все в порядке, и теперь эта гадость – нормальное течение жизни, что все с этим смирились и воспринимают как обычное дело. Когда безнаказанно уличенному в измене мужу кажется, что все забыли, и все хорошо, и можно снова вильнуть налево или не вильнуть – это ничего не изменит, ведь с этим обстоятельством все смирились. И если он сам не чувствует за собой никакой вины, значит, никто его не винит. Но вдруг заметив изменившееся поведение другого человека, такие люди искренне недоумевают, в чем дело, хотя ботинки все в той же гадости, разбрызганной у дома.

– Не нужно чувствовать себя виноватой, Лиза. Я все знаю.

– Что ты знаешь?

– Что Джейсон МакКуин – это Саша. И он готов выступить в суде. Он готов дать показания против моего отца.

Лиза не успела даже подумать, как мир вокруг померк. Она была не склонна к насилию, но в ее душе все было выжжено, все стоп-сигналы, все предохранители давно вышли из строя. Она убила в себе все человеческое, и на пустом, черном поле еще ничего не возросло, но готово было прорасти. Лиза не собиралась обсуждать ни единого варианта, связанного с попытками помешать Саше жить так, как он может. Судя по всему, Арсен не только догадался обо всем, но и уже разработал жуткий план, как заставить Сашу замолчать навсегда.

Вся сила любви к брату, вся боль, все унижение и черная копоть несправедливости всколыхнулись в ней inferнальным торнадо, поднявшись до самой макушки, и разум отключился.

Смутно, с редкими прорывами звуков она запомнила отдельные моменты той бойни: как Арсен пытался удержать ее, крепко сжимая сильными руками, а она все равно вырвалась. Как разлетелись мелкие осколки от вазы, обрушенной на голову Арсену, выбив из него сознание. Как впились ее ногти в его лицо, как она старалась содрать это лицо с черепа, как окропила кровь ее блузку – тонкими нитями и чернильными кляксами, как глубоко утопали ее стопы в его животе с каждым ударом; как она обрушивала на его лицо град своих кулаков.

Плач Никитки вывел ее из ступора. Арсен лежал на полу, весь в крови, но живой. На губах кровавая пена колыхалась от каждого выдоха. Малыш плакал истерично, дрыгая ножками и требуя взять его на руки. А Лизина блузка была вся в крови, руки болели, ныли пальцы, разодранные от ногтей, и сбитые костяшки кулаков. Она взяла сына на руки, преодолевая боль.

– Тише, мой малыш, тише, все хорошо.

– Лиза, пожалуйста, вызови врача... – простонал Арсен.

Лиза с отвращением посмотрела на лежавшего на полу мужчину. На нем не было видимых страшных повреждений. Да, расцарапано лицо, кровоточащая рана на голове у виска, обездвиженные ноги. Но ведь его голова на месте, верно? Его лицо все еще принадлежит ему? Его конечности плотно пришиты к туловищу? Что ему еще нужно?

Лиза переступила через него и пошла в детскую, чтобы уложить малыша. Когда ребенок заснул, она спустилась в гостиную, разгромленную ею самой. Арсен все еще лежал на полу. Все еще дышал. Она вызвала «Скорую». Арсена забрали. У врачей было много вопросов к Лизе, но она только покачала головой. Она не собиралась отвечать на их вопросы.

А утром следующего дня она узнала, что на сцене в «Олимпийском» убит Джейсон МакКуин. Саша.

Это уничтожило ее окончательно. Больше у нее никого не осталось. Она все разрушила, она всех убила... Теперь впереди только ад. Только ад. Единственное, что удерживало Лизу от резкого взмаха лезвием у горла, – малыш, плачущий в кроватке.

Она была беременна, когда случилась трагедия, когда погибли отец и мама. Она носила ребенка Арсена. И сейчас Никитка – все, что осталось в этом мире родное, ведь Саша мертв.

Только ребенок заставил ее скинуть оцепенение, взять себя в руки и сделать что-то для того, чтобы выжить.

Сначала она хотела уехать куда-нибудь еще глубже в провинцию, спрятаться. Но потом случилось то самое событие, из-за которого она поняла, что в России ей и Никитке небезопасно. Этот монстр, которому запрещен выезд за границу, до конца жизни будет искать ее, чтобы убить. И она решила бежать туда, где не смог обрести спасение Саша, – в Америку.

Пока Арсен лежал в больнице, Лиза сделала себе несколько паспортов. Она нашла в Интернете нескольких умельцев. За паспорт, который пройдет проверку в посольстве Америки, она отдала почти тысячу долларов. Хорошо, что Арсен, как настоящий цыган, не доверял банкам и держал всю наличность в сейфе, где хранились и Лизины украшения, подаренные Арсеном, поэтому она знала код. Она взяла с собой практически двести тысяч долларов и около ста тысяч рублями.

Лиза вместе с сыном покинула Россию спустя трое суток после смерти брата.

Итак, она прилетела в Чикаго, сняла номер в дорогом отеле и наняла русскоговорящую няню. У нее было достаточно наличных денег, чтобы решить практически любой вопрос, но требовалось глобальное решение. Чтобы выжить.

Она позвонила Карме, человеку, по-прежнему имеющему связь с Наркобароном. Объяснила Карме, что ей нужно и когда, сказала, что перезвонит через два дня. За это время Карма должна решить вопрос. И когда перезвонила, вопрос был решен. Представитель Барона, его брат Башу, был готов встретиться с Лизой в Чикаго через два дня.

На встречу Лиза пришла с охраной, двумя высоченными американцами в темных костюмах. Никитка остался в отеле с няней.

Башу был намного моложе Барона, ему едва перевалило за тридцать. Он был очень полным, с курчавыми волосами до плеч, зачесанными назад. Арсен на дядю был совершенно не похож.

– Вы должны мне пять миллионов долларов за смерть каждого члена моей семьи, – сказала Лиза. – Итого пятнадцать миллионов.

– Если ты переживаешь за Арсена, то с ним все в порядке, – сказал Башу, проигнорировав ее вопрос. – И зачем ты пришла с охраной? Ты считаешь, я могу убить мать моего внука?

– Мой сын вам не внук, он вообще не имеет отношение ни к вам, ни к Арсену, ни к Барону, ни к вашей семье. Это мой сын.

– Нет, Лиза. Твой сын цыган, и мы – одна семья.

– Я видела, как легко ваш Барон отдал шестьдесят человек вашей семьи гнить за решеткой за свои дела.

– Это очень большая честь – заступиться за Барона!

– Да мне плевать, – ответила Лиза. – Пятнадцать миллионов, и ни единого контакта.

– Сначала ты сказала – пять за одного. А теперь звучит пятнадцать. По семь с половиной за мать и отца?

– А Саша? Вы его за человека не считаете?

– А Саша жив.

– Жив? Разве вы не смотрели видеотрансляцию? Как его убили прямо на сцене в Москве? Как он упал и перестал дышать?!

– Именно потому, что я это видел, я и делаю вывод о том, что он жив. Хотя Барон со мной не согласен, он уверен, что твоего брата убили. Поэтому, я думаю, мы согласуем эту сумму.

Но зачем она тебе? Что ты будешь делать с этими деньгами? Как ты будешь жить с чувством вины?

Лиза была готова к подобному. Это их порода – заставить человека чувствовать себя униженным даже тогда, когда они сами в слабой позиции. Она решила для себя, что пропустит слова цыгана мимо ушей, и эти, и те, что последуют далее, чтобы не дать ему вывести себя из равновесия. Но его сомнение в том, что Саша мертв, ее серьезно подкосило. Лиза оказалась к этому не готова совершенно. У нее не было никаких сомнений, ведь она чувствовала, что его больше нет. А сейчас что? Слабая надежда, что Саша мог выжить? Но ведь сообщили бы в новостях, рассказали бы всем... Там же было много людей, телевидение... Да и зачем скрывать? Чтобы Барон больше не охотился за ним? Такое возможно. Господи, неужели Саша может быть жив?

Лиза почувствовала, как внутри что-то очень сильно заболело, так, словно к омертвевшим частям тела вдруг прилила кровь. Она снова может чувствовать. Всего-то надежда, всего-то фраза, наверняка сказанная для того, чтобы выбить из-под нее стул. Но Лиза чувствовала это иначе, теперь она готова вынести что угодно под светом даже такой слабой надежды. Ведь может быть, что Башу прав? Может быть, Саша жив?.. В подводной ледяной тюрьме наконец-то образовалась маленькая проталина, через которую она смогла глотнуть воздух.

Лиза улыбалась своим мыслям, пока Башу говорил гадости:

– Ты мерзкая потаскуха, которая раздвинула ноги перед красивым парнем. Да, он хорошенько всадил тебе и пользовал тебя, пока ему это было нужно. И потом легко заставил тебя убить собственного отца. И мать. Это ты их всех убила, чтобы Арсену было хорошо, чтобы в очередной раз удовлетворить потребности Арсена. Скажи, дорогуша, а ты давала ему трахать себя в попку? Он побывал там?

Лиза слышала, но не слушала. Она думала о другом: Саша может быть жив! Да, такое может быть! Ведь все уверены, что она, Лиза Лаврова, тоже мертва, просто ее тело забрали цыгане и спрятали его. Такую легенду должны говорить все цыгане, взятые при облове и в ходе последующих арестов. Все так думают – что Лиза мертва, а она жива! Может быть... Нет, в самом деле Саша может быть жив! Она бы никогда сама об этом не подумала. Ведь она видела запись: как в него выстрелили, как он упал, как закричали люди. Видела, как его тело на каталке под черным одеялом увозят. Все это в подробностях показывали по телевидению, и Лиза видела все. И у нее даже мысли не возникло – не поверить. Но ведь может быть, что сказанное Башу она принимает на веру от отчаяния...

Но ведь все так же, как и с ней! Тело никому не отдали. Правоохранительные органы не отдали Сашино тело, а там были люди из его окружения на эстраде, которые хотели бы похоронить ее брата. Сказанное Башу и этот ее вывод по поводу тела подпитали надежду настолько, что Лиза готова поверить в чудо. А это значит, что, может быть, когда-нибудь все наладится. Когда-нибудь все откроется и будет хорошо... Этого ее ссохшемуся сердцу хватило, чтобы Лиза смогла глотнуть воздуха в ту самую проталину под толщей льда.

Башу что-то еще говорил, но Лиза, вдохновленная лишь мыслью, что Саша может быть жив, прервала его диалог резким ударом кулака по столу и сказала:

– Пятнадцать миллионов, через два дня. Иначе я стану новой звездой.

– Ты не доживешь до утра.

– Может быть, но лучше, чтобы дожила. Только я знаю, как отменить авторассылку моего письма во все газеты и правоохранительные органы. Как думаете, сколько времени потребуется властям, чтобы раздобыть фото Арсена с папочкой? Наверняка не больше десяти минут. У вас ровно два дня. Я позвоню Карме и назначу встречу.

– Какие у нас гарантии?

– Никаких. Только мой здравый смысл. Я хочу вырастить своего сына. А что делать потом, я еще не решила. Но лет двадцать у вас есть, чтобы отмолить свои грехи. Не провоцируйте меня придумывать другую комбинацию.

– В тебе нет ничего святого, – сказал Башу.

– Да, ты прав, – сказала Лиза. – Помни об этом.

Несмотря ни на что, она улыбалась. Возможно, Саша жив. А до этих цыган ей нет дела. Она уверена, что деньги найдут и отдадут ей. Конечно, они попробуют что-то с ней сделать, но она сможет защитить себя и своего ребенка. Сможет, у нее просто не было выбора. Саша должен увидеть и ее, и своего племянника, ведь он уверен, что Лиза мертва.

А Башу... Да, он был правой рукой Барона, ворочал огромными деньгами, и его руки по локоть в крови. Наверняка какому-то мастеру уже заказали для нее памятник, самый простой, из дерева. Чтобы быстро сгнил, покосился и упал, чтобы никто никогда не нашел могилу Елизаветы Лавровой. Да и кому придет в голову искать ее могилу? Ведь для всех Лиза Лаврова уже мертва.

Ника

В больнице я провалялась несколько дней, постоянно обколота наркотиками или обезболивающим, точно не знаю. В забытьи, как в тумане. Я ни о чем не могла думать, ничего не соображала. Волновало только одно: боль в руке, которую я представляла себе не иначе чем культей. Когда я увидела перелом, открыто торчащую кость, разорванную вену, выплевывающую кровь, я отключилась. Я была уверена, что умру. Но как-то пришла в себя, доползла до телефона и вызвала «Скорую». В больнице я была уверена, что руку мне отнимут, оставив аккуратную культю, на которую я буду надевать протез с недвигающимися пальцами, а потом снимать, смазывать мягким кремом и баюкать, поливая слезами.

Но нет, руку спасли. Я могла даже шевелить кистью, сгибать фаланги. Это больно, но врач сказал, что все будет хорошо.

Меня выписали 7 июня. Забирали меня Вася с Кристиной. Увидев друга на ногах, опирающегося на трость, я расплакалась. Со всеми своими тараканами и дуростями я совершенно не уделила внимание Васькиному выздоровлению. А это и вправду было чудом.

«Чудо-шок», как говорил он.

Врачи в Америке сделали многое для того, чтобы шоковый нервный импульс остался и Вася стоял на ногах. Я не знаю, как это получилось, но иначе чем чудом это не назовешь.

Они были счастливы вместе, эти двое. Васька светился счастьем, держал своей худой ладошкой загорелую руку Кристины. Он был с тростью, но это ведь лучше, чем в кресле!

Я обняла его и Кристину, и мы вышли в июньское утро. Вася предложил зайти в кафе и выпить кофе, а я нетерпеливо рылась одной рукой в сумочке. Где мои сигареты? Вся эта процедура с выпиской из больницы не оставила мне даже десяти минут на перекур.

Наконец, мятая пачка сигарет нашлась, а вот зажигалки нигде не было. Я перевернула сумку вверх дном, но безрезультатно. Пришлось приставать к прохожим. Как назло, никто не курил. Представляю, как это выглядело: баба в застиранном спортивном костюме («Почему все в больнице в застиранных спортивных костюмах?» – спросите вы. «А я не знаю», – отвечу я), с загипсованной рукой, с немывтыми волосами и сигаретой во рту просительно смотрит в глаза и сгибает-разгибает большой палец, мучая невидимую зажигалку. Никто мне не прикуривал. Я выплюнула сигарету.

Невезения продолжают.

В загашнике у Васи две новости, которые он собирается мне рассказать в кафе. Мне интересно, но не то чтобы уж очень. Моя рука побаливала, жить без нее сложно, хоть и левая.

Ни стул отодвинуть, ни сахар в кофе помешать. Я раньше и не замечала, что, размешивая в чашке сахар, ложечку держу левой рукой.

– Как ты сломала руку? – спросил Вася.

– Пыталась убить муху, – призналась я. – Эта паскуда никак не давалась, тогда я влезла на борты ванны и шлепала мокрой футболкой по стенам, а она все улетала и улетала. В один момент я поскользнулась и рухнула в ванну, прямо на руку. Открытый перелом. Несколько раз теряла сознание от боли, но все-таки вызвала «Скорую».

– Ужас!

Кристина прижала ладошку к губам, в глазах плескался притворный ужас. Не нравилась мне эта девчонка, но Вася был влюблен. Это было откровенно видно, это не скрывалось. И кто я такая, чтобы влезать в их отношения?

– Как так получилось, что мы перестали общаться? – спросил Вася.

Хороший вопрос. Да, я сама не проявляла инициативу, тут я соглашусь. Но целый год и ты, дорогой мой друг, эту инициативу не проявлял. Тебе тоже не хотелось снова встретиться со мной. Наверное, ты думал, что я начну пускать сопли пузырями, рыдать и напоминать тебе о Димке. Может быть, ты боялся обременить себя чем-то или кем-то. Разговорами со мной, например? Или еще чем. Как любая приличная женщина, я, естественно, не считала, что мои причины были главными. Васино нежелание – самая главная причина в том, что мы не общались. Хотя и его понять можно. Кристина – это его первая девушка (мы не говорили с Васей об этом, но я была уверена), и наверняка он многое открыл для себя в совместной жизни. Интересно, они живут по-прежнему вместе? Парадокс – они начали жить вместе еще до того, как в первый раз поцеловались. Вот ведь бывает?..

– Не знаю, – ответила я. – Наверное, у каждого были свои проблемы и заморочки. Вот и не виделись. Ты же знаешь, в Москве время летит незаметно. Вот и год пролетел.

Я не хотела наезжать на него, чтобы не оправдать его ожиданий. Честно говоря, я стала малость подвержена резкой смене настроений, словно климакс накатывал. Еще полчаса назад я была счастлива за Васю, а теперь мне хотелось поскорее забраться в свою нору и выбросить сим-карту. Что со мной такое?!

Вася устало улыбнулся. Кристина посмотрела на часы и открыла сумочку. Оттуда она извлекла маленькую пластмассовую коробочку и подала Васе со словами:

– Пора принимать лекарства, Вася.

Вася беспомощно посмотрел на коробочку, открыл и высыпал на ладонь семь таблеток разного калибра и размера. Кристина подала ему бутылку с водой, Вася закинул горсть таблеток в рот и запил водой.

Кристина удовлетворенно кивнула и спрятала контейнер в сумочку.

– Я вас оставлю на минуту, – сказала она и ушла.

Вася посмотрел на меня как-то иначе. словно мои мысли были ему хорошо известны, но при Кристине он этого показывать не хотел. А сейчас, когда она ушла, маску прижимать к лицу не имело смысла.

– Ну говори, – сказал он.

– Что говорить? – прикинулась душой я.

– Что думаешь, то и говори.

– Мне нечего сказать.

– Она меня не любит, я это знаю. И ты это поняла, верно?

– Верно, поняла. Хотя это всего лишь мое мнение, – добавила я поспешно.

– И как ты это поняла?

Я немного помолчала. Сказать или не стоит? В конце концов, это ведь их дело! Зачем я лезу? Не говори ничего, Ника! Молчи!

– У нее нет к тебе чувств. Даже элементарного сочувствия, для влюбленной женщины это не свойственно, – все же сказала я.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

– И не поймешь, ты же мужчина.

– Ладно, я хотел с тобой поговорить о другом. Что мы будем делать дальше?

– А что ты делал раньше?

– Что делал я? Я работал в журнале, как и раньше. Жил. Занимался спортом – в рамках строгих рекомендаций врачей.

– Вот и занимайся этим дальше.

– Ника...

– Нет, Вася. Я не хочу больше ничем заниматься. Я не знаю, что ты думаешь, какие у тебя мысли, говорю за себя: я больше не хочу заниматься ничем, кроме сидения дома. Любая деятельность опасна. Везде тебя хотят обмануть и убить. Я не хочу никого приобретать и никого терять. Я к этому не готова, я слабая, толстая женщина. Я не создана для работы.

– И что ты будешь делать дома?

– Умирать. Я буду тихо и спокойно умирать.

– Но это не дело, Ника, ты молода...

– Дима был тоже молод. И умер. И я тоже умру.

– Так не пойдет, Ника.

– Это не тебе решать. Думай за себя.

– Это твой телефон звонит?

– Нет, твой. Мой разряжен.

Вася пошарил в сумке Кристины и достал телефон. Номер не определился, но явно звонок был не из России, он начинался на «079». Вася ответил. Через несколько секунд его лицо озарила улыбка, он сказал по-английски: «Ника со мной сейчас, подожди секунду, я сделаю громкую связь».

Я вопросительно посмотрела на него, он положил телефон на столик и громко сказал:

– Привет, Джо!

Порыв ветра унес ответ Джо, в трубке раздался только странный писк, больше ничего. Любопытство заставило меня наклониться ниже, и я услышала:

– Ника, привет! Это Джо! Я рад, что вы с Васей вместе, потому что у меня есть к вам разговор. В общем, с Брэдли совсем беда. Он сидит дома, ничего не делает, не вылезает из постели. Я пытаюсь ему помочь, расшевелить, но это бесполезно. В общем, у меня опускаются руки. Что делать?

– Опустить их, – громко ответила я. – И оставить человека в покое. Если он хочет валяться в кровати, пусть валяется там.

– Но, Ника, ты же знаешь, это путь в никуда.

– Любой путь в никуда, Джо.

– О, похоже, вы с Брэдли на одной волне?

– Так точно.

– В общем, вот что: послезавтра я прилетаю в Москву, со мной будет Брэдли. Я не знаю, как заставлю его сесть в самолет, но я это сделаю. Мне нужно, чтобы вы собрались вместе, у меня есть к вам предложение.

– Джо, не усердствуй, – ответила я, – ничего собрать в кучу не получится. Все закончилось. Отпусти это.

– Нет, Ника, я не могу.

– Твое дело.

– Ника, я прошу тебя, пожалуйста, просто приедь и выслушай меня.

– Нет, Джо, прости. У меня нет ни желания, ни возможности. У меня сломана рука, она в гипсе, я в депрессии. Я жду не дождусь, когда окажусь в своей квартире на своем диване.

– Ника, пожалуйста!

– Нет.

Вася смотрел на меня умоляюще. Я категорично покачала головой. Я сказала: нет. Что непонятно? Простое слово. Три буквы. Если вы дальше будете приставать ко мне, я заменю буквы, но их число останется тем же.

– Ника, я не хочу на тебя давить, но ты мне должна. Поэтому соберись! Ты должна приехать. Послезавтра. Вася знает, в каком отеле я остановлюсь.

– Ты можешь остановиться у меня, Джо, – сказал Вася.

– Вась, я думаю, будет лучше вернуться в «Красные холмы». Все-таки там началась эта история. Пусть ее новое развитие будет там же. Спасибо за предложение, я обязательно приеду к тебе и Кристине в гости. Ника?

– Да, я буду.

Наверное, кажусь душой. Во всяком случае, на лице Васи было выражение крайнего удивления. Я знала, что последуют вопросы, но отвечать на них не собиралась. Я действительно должна Джо, и этот долг я никак не перекрою. Никогда.

– Спасибо тебе, я буду вас ждать ближе к вечеру, часам к семи?

– Хорошо, – ответил Вася.

– Да, встретимся в «Красных холмах», – ответила я. – Прости, Джо.

– Пока, – ответил Джо.

Чтобы пресечь вопросы, я сказала Васе, что мне нужно домой. Срочно. Нужно убраться, помыться, купить продуктов и заняться собой. Я говорила почти откровенно: действительно, дел скопилось много, но это ведь не означает, что я буду все это делать. Вася предложил помощь свою и Кристину, но я вежливо отказалась, понимая, что этим обидела его. Я ничего не могла с собой поделать. Вася был таким уязвимым, что почти невозможно сдержаться. Я не стала дожидаться Кристину, которую Вася, оказывается, отправил пить чай на второй этаж кафе, чтобы не мешать говорить нам, вызвала такси и уехала.

В моем почтовом ящике лежали газеты, целая пачка. Я взяла их и вызвала лифт.

Дома был кошмар. У меня совершенно выпало из головы, как я собиралась, как помогала мне хрупкая девушка фельдшер «Скорой». Мы переворачивали дом вверх дном, чтобы добыть нужные вещи, книги. Шмотки я выбросила в больницу, они были заляпаны гипсом, воняли лекарствами; книги я отдала соседкам по палате. С собой у меня осталась только сумочка с документами и сдохшим телефоном, зарядку к которому я, разумеется, с собой не взяла.

Ванная была залита кровью, над которой уже не летали мухи. Я бросила газеты на пол, следом швырнула сумку. Осторожно сползла по стене и заплакала.

* * *

Рыдала я долго и со вкусом: с трубным стоном, закусыванием губ. Слезы лились ручьями, я не знала, когда они остановятся. Я даже не знала, почему я плачу. Просто потому, что моя жизнь – дерьмо. И это самое дерьмо я оплакивала. Сил не было даже на то, чтобы встать и придумать себе что-нибудь поесть. Я чувствовала себя лужей, что растеклась под ногами и стоит без движения, ждет жаркого солнца, чтобы скончаться в муках, иссохнуть всем на радость.

Последняя газета «РБК» пришла сегодня. Почтальон с трудом втиснул ее в мой ящик, изрядно при этом помял. Я разровняла страницы, поливая слезами, и просмотрела.

Статьи о процессе не было. Я аккуратно сложила газету и взяла другую – за прошлую неделю. Здесь статья о процессе была, но небольшая.

«В Чикаго начался громкий судебный процесс над убийцей певца Джейсона МакКуина.

Сегодня, 2 июня, началось основное слушание уголовного дела против Наркобарона (его имя не раскрывается для журналистов) в Окружном суде штата Иллинойс в Чикаго. Два предыдущих судебных процесса прошли в спешке и не очень эффективно для обвинения. Пресс-служба Чикагской прокуратуры объяснила, что дело резонансное и к самому процессу обвинение полностью готово. „Заминки на предварительных судебных заседаниях вызваны слишком большим интересом журналистов к делу, – сделала заявление пресс-секретарь, – но прокуроры получили разрешение суда не общаться с журналистами, что существенно облегчит их работу. Мы ожидаем безоговорочной победы в процессе“, – подчеркнула она.

Напомним, что уголовное дело против международного преступника по прозвищу Наркобарон было возбуждено после трагической смерти Джейсона МакКуина, который мог свидетельствовать против Наркобарона и находился под защитой правительства Штатов. Обвинений по тем делам, где МакКуин проходил основным свидетелем, прокуратура еще не предъявила, и неизвестно, предъявит ли вообще: ведь единственный свидетель мертв. Председательствующий в деле об убийстве певца судья Оливер Томас Грин запретил стороне обвинения ссылаться на другие возможные преступления и правонарушения Наркобарона.

В минувшую пятницу обвинение представило список свидетелей, которые будут допрошены в суде. Среди них нет менеджмента Джейсона МакКуина, хотя в материалах дела есть ссылка на то, что и директор артиста, и его продюсер видели выстрел; протоколов допросов в материалах дела нет.

Продюсер артиста Брэдли Морган был уволен из продюсерского центра „Коннор Дистрибьюшн“ (компания на запрос не ответила), а директор МакКуина – Ника Домбровская, по сведениям миграционной службы, покинула США и вернулась в Россию. Блогеры утверждают, что и Домбровская, и Морган впали в сильнейшую депрессию и не выходят на связь с миром. Юридическая компания L&C, представляющая интересы „Коннор Дистрибьюшн“, подтвердила, что продюсерский центр подал иск на обоих менеджеров в связи с преступной халатностью.

Остается надеяться, что и продюсер, и директор погибшего певца возьмут себя в руки и выступят перед судом, способствуя восстановлению справедливости, и защитят имя Джейсона МакКуина».

Прочитав статью, я с новой силой зарыдала. От бессилия, от злости. Никто не пытался со мной связаться! Мой телефон был постоянно включен, но практически год на него не звонил никто, кроме телефонной компании с требованием оплатить связь! Чертовы ублюдки, лгуны и подонки!

Меня разрывало от ярости. Я включила компьютер и набрала номер телефона редакции газеты. Мне ответили вежливо, а я сразу начала орать. Девушка меня выслушивала молча, а когда я закончила свою тираду, состоящую в основном из нецензурной лексики, ответила:

– Я секретарь, сейчас соединю вас с редактором. Одну минуту, пожалуйста.

Запиликала мелодия, которая только подлила масла в огонь. Когда такой же вежливый голос ответил мне, я снова излилась в полном объеме. Наконец я замолчала и вопросительно стала ждать. Редактор уточнила, закончила ли я, я ответила, что нет, продолжаю посылать ей проклятия, только мысленно.

– Мы действительно пытались связаться с вами, Ника, но в телефонной компании нам ответили, что ваш телефон отключен.

– Но мне вчера звонил мой друг! Я сейчас звоню вам с этого телефона!

– У нас есть официальные документы. Редакция приносит вам извинения. Мы готовы опубликовать ваше мнение, правда, с цензурой. Что у вас есть сказать по этому поводу?

Я ответила ей и повесила трубку. Она ни слова не сможет написать из того, что я ей ответила. Я набрала номер телефона Васи.

– Ты спокойно мне дозвонился? – начала я агрессивно.

– Да, потому что заранее положил тысячу рублей, – невозмутимо ответил Вася. – У тебя был отключен телефон, я послал запрос через смс, мне сообщили, что у тебя долг восемьсот рублей. Я положил денег и дозвонился. А что?

– Ничего, спасибо, пока.

Вот, значит, как. Я пыталась вспомнить, оплатила ли я связь после звонка телефонной компании, но так и не смогла. Видимо, не оплатила. Или оплатила, но абонентская плата все сожрала, и телефонная компания решила меня не беспокоить. Зачем им абонент только на абонентской плате? Звонков-то я не делала.

Злость не утихала.

Стоп! Я ведь звонила в фитнес-клубы. Ну и? Я снова потерела Васю. Понятно, деньги он положил в начале июня. А когда вышла газета? 2 июня. То есть звонить они должны были в середине мая или в конце. Или вообще в июне. Вот ведь твари какие, все равно наврала!

И вдруг мне все надоело. Осточертело настолько, насколько может все осточертеть. Меня бесил мой дом, беспорядок в нем (и порядок – даже иллюзорный – тоже), мои жиры, телефон в руке, газеты под ногами. Все надоело. Жизнь моя никчемная. Хренов гипс, гудящая от таблеток голова. Все, хватит, я больше не могу!

* * *

Я погружалась в темнеющую воду. Вода уже не холодит, тело привыкло к ней. Я открываю глаза и вижу над собой разноцветные огоньки. Странно, я не видела на поверхности ничего подобного. Что это?..

Воздух заканчивается, но я мужественно терплю, выдыхая последние пузырьки через нос.

И вот, наконец, дно. С силой отталкиваюсь и выплываю. Прорываюсь сквозь пленку воды, и на меня сразу обрушиваются все звуки – кто-то смеется, кто-то разговаривает, плещется вода. В спортивном клубе бассейн очень популярен, людей всегда хватает. Тренер со строгим лицом стоит надо мной, сложив руки на груди.

– Ну как? Расслабились?

– Да!

– Тогда вперед. Кладите подушку под себя, и пять кругов, не останавливаясь.

– Есть, сэр! – задорно кричу я.

Оранжевый непотопляемый кусок пенопласта прилипает к моему животу, я всплываю всем телом на поверхность и начинаю работать правой рукой и ногами. Загипсованная левая рука в пакете, перетянута скотчем (привет, мясокомбинат!). Я даже представить себе не могла, как здорово заниматься в бассейне.

Вчера ночью я приехала в клуб и заплатила за разовое посещение. Никого не было, только дежурный тренер ходил по бортикам и слушал музыку, покачивая идеальными бедрами спортсмена. Я не знаю, чего я хотела. Я просто поняла, что не могу больше сидеть дома. Мне надоело до кишок и печенок. Надоело страдать и плакать. Мне нужно было чем-то заняться. Или утопиться. Бассейн мог помочь в любом случае.

Видимо, тренеру было скучно, и он предложил мне пробную тренировку. Спросил, чем может помочь. Я сказала, что страдаю депрессией. Он ответил с улыбкой, что выльет из меня все слезы на годы вперед. И я согласилась.

Тренер взял длинную палку, похожую на гарпун, и вел ее впереди меня, а я плыла, сбиваясь дыханием, выбиваясь из сил. Он шел медленно, но плыть было тяжело. Я захлебывалась

водой и слезами, а он не прекращал до тех пор, пока я бессильно не обрушилась на бортик. Он велел мне немного переместиться и взяться за невесть откуда появившиеся посреди бассейна поручни. Через секунду жестким напором вырвалась вода, и хорошо, что я держалась за поручень, иначе улетела бы на этой струе до парковки.

Струя била во все места, куда я даже свои руки-то часто не впускала. Рыдать над этой ситуацией было невозможно, но эмоции переполняли, и я засмеялась. Сначала тихо, а потом во весь голос. Я смеялась и не могла остановиться, а тренер довольно улыбался. Я игралась со струей добрых полчаса, пока не поняла, что смертельно устала. Но тренер еще со мной не закончил. Я вылезла из бассейна, и он сопроводил меня в хамам, где я лежала и томилась, как на медленном огне.

Домой я приехала без сил, без слез.

Утром проснулась очень рано, и все у меня было хорошо. Плакать не хотелось. Хотелось вернуться в клуб, снова прокатиться на струе, полежать в хамаме, поплавать в бассейне. Но нужно было приводить в порядок свою жизнь, а начать – с уборки. Свою однокомнатную квартиру я убирала пять с половиной часов, в результате вынесла к мусорке во двор пять мешков мусора, большая часть которого – коробки из-под пиццы, старые газеты, пивные бутылки и банки из-под «Фанты».

Тренировку я закончила около четырех. Приехала домой, перекусила овсяной кашей и отправилась к шкафу, чтобы выбрать наряд. Да, с этим я пролетела, как кукушка над гнездом. Одежды у меня не было. Утром я вышвырнула все старое тряпье, пообещав себе заехать в магазин и купить новую юбку, джинсы, пару блузок и свитеров. Что делать-то?

До встречи в «Красных холмах» оставалось три часа. А там, на минуточку, будет Брэдли Морган.

Игорь

– Где Арсен? – спросил Игорь.

Вместо мужика, с которым он говорил по телефону, на встречу явилась женщина. Она явно была цыганкой, но из цыган приличных, обеспеченных. Легкий летний костюм, дорогая сумочка и солнцезащитные очки известной торговой марки. Все куплено на наркотические деньги, не иначе. Цена всем этим тряпкам – жизни молодых людей, подсевших на песок, и их родственников, убитых за дозу. Игоря тошнило от таких людей. За людей он их не считал, они принадлежали к той категории, которых не за что любить.

– Информация, которой мы располагаем, может стать почвой для серьезных обвинений, – ответила она, – поэтому Арсен предпочел отправить на встречу меня.

– Впервые вижу женщину-торпеду, – сказал Игорь с презрением.

– А вы не очень-то вежливый человек, хоть и при погонах, – заметила она.

– К моим деловым качествам это отнести нельзя. Итак, не тратьте мое время, сообщайте свою ценную информацию.

Женщина достала из сумки снимок и отдала его Игорю. Он посмотрел. Это, очевидно, была Лиза Лаврова – в платке и очках, но узнать ее можно. Постарела. На фоне – какая-то кофейня с огромными окнами, выходящими на улицу, где дорога. На дороге машины. Судя по вывескам – это не в России.

– Это Лиза Лаврова?

– Верно. Она жива, и она не в России. Буквально на днях у нас состоялась сделка, Лиза получила пятнадцать миллионов долларов за смерть своих близких. Как вы понимаете, с нами она никаких отношений иметь не хочет. Нам не удалось выяснить, где она живет. Она купила очень дорогие американские документы, и проследить за ней нам не удалось. Мы ее потеряли.

– За что вы ей заплатили?

– Это вас не касается, – ответила женщина. – Я хочу сообщить вам ценную информацию, которую вы должны немедленно отработать. Лизе угрожает опасность. Огромная опасность. Из-за того, что Барона сейчас осудят, у нас попытаются забрать власть и деньги. У нас осталось достаточно и того и другого, произойдет передел. Барон пытается решить вопрос, но в наручниках это сделать не просто.

– Сам виноват, – ответил Игорь.

– Прекратите! – отмахнулась женщина. – Столько плохих слов можете сказать в адрес человека, которого совершенно не знаете. Барон заботился об огромном количестве людей, которые сейчас остались без присмотра и в большой опасности.

– Да, несчастные люди на миллионах долларов, – хмыкнул Игорь. – Вас нужно спасти? Помочь жить на деньгах, заработанных на крови людей?

– Свои проблемы мы решим сами, – гордо ответила цыганка. – Ваша задача – это Лиза.

– Задачи ставите мне не вы, – ответил Игорь, – но я вас выслушаю. Если вы когда-нибудь доберетесь до сути. Лиза Лаврова жива и получила от вас пятнадцать миллионов, это я усвоил. Что еще? Какая опасность над ней нависла? Что ей угрожает? Где она?

– В последний раз мы видели ее в Чикаго, но она явно там не задержится. Она избрала этот город потому, что там был Барон, а с ним все мы, естественно. Ей нужны были деньги. Она их получила и убралась. Я думаю, она все еще в Америке. Она даже не представляет, что ей может угрожать. Но она не хочет нас слушать, она нас просто не слышит.

– Что ей угрожает?

– Ей угрожает то, что у нее на руках ребенок от Арсена, сына Барона.

Теперь все понятно. Лиза, должно быть, не знает, с кем связалась, если в здравом уме и трезвой памяти отреклась от семьи Барона, каким бы боком она туда ни попала. Ведь ее ребенок – лакомый кусок для другого табора, который был поставлен вместо Барона. Пока Барон будет сидеть, его семьей будет управлять его брат или старший мужчина в семье – неизвестно, кто это. Это может длиться вечно. Но на Бароне зацикливались все связи как с поставщиками, так и с крупными оптовиками. И теперь эти контакты передаются новым владельцам, наверняка другому цыганскому табору, который будет строить свою сеть. Но им нужны не только контакты Барона в органах власти и коммерческих структурах, но и деньги, которые заработал Барон. В случае, если дистрибьютор уходит из бизнеса, он отдает 10–15 годовых заработков новому для налаживания сети. Барон ничего отдавать не собирается, надеясь, что его семья продолжит дело, так он заявил в прессе. Его семья ослушаться не может. Хотя, наверное, они могли бы отдать часть денег и закрыть вопрос, уйдя из бизнеса. Но Барон не позволил. Ситуация настолько критичная, что пахнет войной. И в такой ситуации завладеть внуком Барона – получить огромный козырь в рукав.

Это Игорь понял и сам.

– Если для Барона и его семьи Лиза Лаврова – священная корова, то для конкурирующего табора лишь помеха. А ее ребенок – золотая жила.

– Вы пробовали предупредить Лизу?

– Да, бесполезно. Она совершенно не хочет считаться с корнями своего ребенка.

– Она стала матерью этого ребенка по собственному желанию?

– На что вы сейчас намекаете? – зло спросила женщина.

– Говорите спокойно, вы из семьи Наркобарона, у вас все возможно. Арсен изнасиловал Лизу или нет?

– Нет, у нас такое невозможно, – отрезала женщина, – Лиза и Арсен друг друга любили. Арсен даже оставил табор после случившегося, чтобы уйти вместе с Лизой. Этот ребенок родился в любви.

– И почему же сейчас Лиза не с Арсеном, ребенок не в любви, а вы откупились пятнадцатью миллионами?

– Потому что так сложилась жизнь.

– Ну а что вы еще ответить можете! – усмехнулся Игорь. – В общем, я не понимаю, чем могу помочь Лизе Лавровой.

– Вы действительно такой черствый человек или просто таким кажетесь?

– Я реалист, – ответил Игорь. – Вы встречаетесь со мной. Говорите, что девушка, которую все считают мертвой и о смерти которой заявили все ваши братья, жива, и просите о помощи. При этом вы не называете ничьих имен, вы не говорите, где она находится и кто ей угрожает, и требуете от меня помощи. Моя помощь вам – только совет: сходите в церковь и помолитесь за младенца.

– Вы страшный человек.

– Нет, страшные люди – это вы. А я обычный человек. У вас все?

– Да.

– Тогда будьте здоровы.

Игорь не попрощался, не поблагодарил за информацию, а просто ушел. Но сказанное этой женщиной не оставило его равнодушным. Если есть возможность спасти хотя бы одного члена семьи Лавровых – он должен это сделать. Он должен сделать это ради Саши, которого не спас.

И он знал, что делать.

Глава 3

Лиза

Сначала не было никакого чувства вины. Вообще никакого. Наверное, она действительно верила. Конечно, чувствовала, что что-то неправильное в этом всем есть, но ведь ей пообещали, что ничего страшного не случится. Никто не умрет. А эта небольшая блошка, что затесалась в волосах и зудела: «это неправильно! это неправильно!», легко заглушалась речами Арсена. Он был рядом, и этого было достаточно, чтобы Лиза не боялась.

Она действительно верила ему и любила. А он?.. Даже сейчас она все еще верит, что когда-то Арсен любил ее. А любит ли сейчас? Наверное, нет, но ей очень хотелось верить, что он по-прежнему любит ее и не допустит, чтобы ее нашли и убили.

Лиза хочет в это верить, но не может.

Несколько лет назад она встретила Арсена в одном из иркутских ночных клубов. Она не сразу поняла, что Арсен цыган, но он сразу ей понравился. Он был с другом, а она с подругой Ларой. Лара была давно и успешно замужем, но отчаянно флиртовала с парнями в клубах, хотя дальше поцелуя в щечку не заходила никогда. И в этот вечер к ним, юным и прекрасным, подошли двое молодых парней и представились Арсеном и Артемом, девушки смущенно захихикали и приняли в свою компанию на вечер молодых людей. Арсен был элегантным, говорил красиво и не имел вообще никакого акцента, Лизе понравилось, что он прекрасно разбирался в музыке и любил арт-хаусное кино. Лара всю флиртовала с Артемом, танцевала с ним весь вечер, и Лиза с Арсеном остались практически один на один.

Они договорились о новом свидании. Затем о следующем. И чем больше времени проводили вместе, тем страшнее Лизе становилось: Арсен казался идеальным парнем, тем принцем, которого ждет каждая девушка. Он учился в престижном вузе на факультете финансов, был круглым отличником, играл в КВН (который Лиза терпеть не могла, но признавала, что парень с чувством юмора даст сто очков спортсмену), не курил, практически не пил, жил в своей квартире недалеко от набережной, ездил на дорогой иномарке, но при этом совершенно не понтовался своим благосостоянием. Про квартиру и машину она выведала сама, списав нетактичность на третью «Пина коладу». Тот факт, что Арсен нигде не работал, совершенно не смущал ее – Лиза была в том нежном возрасте, когда больше всего на свете хотелось быть рядом с человеком, который может и хочет уделять тебе все свободное время. Она училась в Академии искусств и была занята до трех часов по будням, зато после занятий Арсен полностью принадлежал ей, и не приходилось ждать, когда он освободится с работы.

Лара дала очень высокую оценку Арсену, а Артем пропал с их горизонта довольно скоро, когда понял, что с Ларой ему не светит ничего серьезного. В целом Лиза была довольна, что Артем исчез, парные свидания ей были не нужны, к тому времени она уже так сильно влюбилась в Арсена, что даже Лара стала помехой ее счастью.

Они встречались каждый день, а на выходных Лиза оставалась у Арсена на ночь, рискуя получить взбучку от отца. Но ей было плевать практически на все. Она не хотела никакой гласности, не показывала Арсена родителям и даже брату не говорила, с кем встречается. К тому времени, когда все стало слишком серьезно, Лиза уже знала о цыганских корнях Арсена и понимала, что отец не одобрит ее выбора. В глазах ее отца все цыгане – наркобарыги. Что до брата, то с момента, когда Саша занялся бизнесом, его вообще ничего не интересовало, он практически забросил университет, не ходил в спортзал, пропадая в клубах и на репетициях. Она знала об этом, но молчала, что позволяло ей не отчитываться перед старшим братом о том,

где и с кем она проводит время. Так ее роман с Арсеном перетек в нечто большее и сложное, но главное: он длился практически полтора года к моменту, когда Лиза узнала о возлюбленном всю правду.

Конечно, мама приставала к Лизе с расспросами о ее парне, просила его показать, привести в гости, чтобы познакомиться, но Лиза упорно этого не делала. Она знала, что мама ее поддержит, потому что это мама, она женщина, и она знает, что чувствует влюбленная девушка в романтические двадцать лет. Но так же прекрасно Лиза знала, что отец будет против, а мама начнет отстаивать Арсена перед отцом, и дома не избежать ссор, а ей не хотелось, чтобы в ее отношения с Арсеном влезали домашние со своими дрызгами.

Романтические отношения, которые у Лизы были до Арсена, напоминали спор с идиотом. Она не могла понять, почему нельзя просто любить и быть любимой, почему нужно обязательно устраивать какие-то проверки, зачем постоянно думать о том, как бы хорошо преподнести плохие новости... Лиза боялась выйти с подружками в кафе, чтобы не вызвать гнева своего бывшего парня по имени Сережа. Сережа был ревнив, жаден до денег и всегда – всегда! – требовал отчета, где и с кем Лиза была, что ей было интересно и почему она не позвала его с собой. Он хотел, чтобы его персона всегда была в центре внимания. Был против всех Лизиних подруг. Наверное, поэтому никого, кроме Лары, после Сережи не сохранилось. Подруги с недоумением относились к ее просьбам о тайных встречах, не могли смотреть, как она вздрагивает от каждого звонка и просит не дышать, пока она говорит с Сережей. А если Лиза врала и он ловил ее с поличным (а такое случалось, и не раз, ведь он отслеживал ее телефон!), то сцена становилась такой безобразной, что все ее подруги, исключая Лару, разбегались куда глаза глядят. Никто не понимал, как Лиза такое терпит, а она терпела, потому что боялась одиночества.

Лиза была дочкой обеспеченных родителей, про таких девушек говорят, что они избалованные, с короной непомерного мнения о себе. И, может быть, со стороны так и казалось, но на самом деле Лиза была ранимой маленькой девочкой, которая до боли в сердце желала, чтобы ее любили. И смертельно боялась остаться одна.

Сережа был тем самым первым парнем, который обратил на нее внимание. Он был высоким, накачанным, крупным, ему было двадцать шесть лет, три года из которых он работал в полиции. Отслужил в армии, бывал в горячих точках, разговаривал грубо и сухо, а в постели был страстным и нежным. Его маниакальное желание знать о своей девушке все Лиза воспринимала как заботу, а откровенно собственнические повадки – за проявление ревности и даже страсти. Она путалась в понятиях, путалась в чувствах, и никто, кроме Лары, не мог помочь ей разобраться.

– Дорогая, послушай, – говорила она мягко, боясь ранить подругу. – Все это ненастоящее, не живое. Пойми, мужчина, уверенный в себе, никогда не будет следить за твоим телефоном. Он никогда не запретит тебе встречаться с подругами. Что это за слово такое «запрещаю»? Он не твой господин, а ты вовсе не рабыня! Ты даже не жена ему, ты не родила ему детей, ты ничего ему не должна. Если тебе не комфортно в этих отношениях, значит, эти отношения не для тебя. Я не хочу, чтобы ты мучилась и плакала ночами от того, что он в очередной раз обидел тебя, обозвав плохими словами, которые ты не заслуживаешь! Ты не шлюха, даже если ты флиртуешь с официантом, и уже точно не шалава, если водишься со мной. У него странные взгляды, и я боюсь за тебя. Твои отношения заходят слишком далеко, тебе нужно серьезно подумать: готова ли ты положить к ногам Сережи свою жизнь, отказаться от всего, что тебе нужно и важно, ради того, чтобы он тешил свое самолюбие и подогревал без того уязвленную уверенность в себе.

Лиза долго не могла понять, о чем говорит Лара, ведь в ее семье все было точно так же. И она поделилась с подругой своими мыслями и очень удивилась тому, что Лара ей сказала.

– Ты сравниваешь совершенно разные вещи. Твой отец работает тяжело и практически в ненормированные рабочие смены. Он редко видит свою жену, твою маму. Только вечерами.

Часто он приходит, а вы уже спите. Но вы сейчас в таком возрасте, что его контроль над вами, тобой и братом, будет отторгаться. А ему хочется, очень хочется знать о тебе все, потому что ты – любимая дочка, младшенькая. А твой брат – его сын, опора семьи, когда он сдаст и уже не сможет заботиться о вас, это будет делать твой брат. Поэтому твоему отцу важно, чтобы вы не связались с плохой компанией, не наделали глупостей, чтобы у вас все было хорошо. А звонить вам и спрашивать он не может, понимая, как сильно вы цените свое личное пространство. Поэтому он звонит жене, чтобы, во-первых, узнать, как дела у вас, а во-вторых, чтобы иметь возможность общаться с ней не только поздними вечерами, но и днем. Они любят друг друга, и никто никого не контролирует, чтобы замазать свою неуверенность. Твой отец знает, как сильно твоя мама любит его, потому что любит ее не меньше.

Лара была ненамного старше подруги, но уже знала куда больше и о браке, и о жизни. У нее был богатый жизненный опыт, и, как правило, все, что говорила Лара, находило отражение в реальности. Но Лизе не хотелось верить, что Сережа просто не уверен в себе. Ей хотелось, чтобы он был влюблен в нее и до ужаса боялся ее потерять. Именно этими благородными, на ее взгляд, чувствами и было продиктовано все его поведение.

Лиза тешила эту иллюзию до тех пор, пока Сережа в очередном из звонков не перешел на оскорбления, которые услышал отец. Она провинилась в очень страшном преступлении – общалась с шалавой Ларой в кафе, а ему кинула отписку по смс, что задерживается в библиотеке в Академии искусств и в этот вечер встретиться с ним не сможет.

В тот вечер они с Ларой вспоминали ее дочку, которая родилась недоношенной и умерла в возрасте трех недель. Эта трагедия случилась с Ларой, когда ей было семнадцать лет. Смерть дочери расколола ее брак с Костиком, мальчиком, который любил ее до беспамятства. Лара ждала Костика после армии, они поженились, когда она была уже на седьмом месяце беременности. Он не справился с горем, запил, а Лара несколько месяцев стойко боролась с его новым пристрастием. Она все свое время посвящала борьбе, но Костик скатывался все ниже и ниже. Не желая оказаться в ситуации, когда она уже немолода, а Костик все еще здоров и может пить столько, сколько влезает в его брюхо, Лара развелась с ним и отнесла свой брак на кладбище, туда же, где оставила малышку. С тех пор прошло почти восемь лет, Лара снова вышла замуж, родила двоих прекрасных мальчиков, они с мужем мечтали о дочке. Но своего первого ребенка, не прожившего на свете и месяца, Лара вспоминала лишь наедине с подругой. Ее муж знал о трагедии, но в их доме об этом громко не говорили.

В тот день они съездили на кладбище, положили цветы на могилку маленькой Кристины. Лара плакала и трогала памятник, словно касаясь дочери, говорила теплые слова, от которых разрывалось сердце, стояла на коленях. Когда все, что в ней было, вышло и она смогла дышать, Лиза отвела подругу в машину и отвезла в город, где они еще долго сидели в кафе и тихо пили чай. Младенцев не поминают алкоголем – этого никак не мог понять отец Кристиночки, бывший муж Лары. И это прекрасно понимал ее нынешний муж, Егор. Он заехал за Ларой в первом часу ночи, когда она сама позвонила ему и сказала, что готова вернуться домой. Он тепло поблагодарил Лизу за то, что она провела этот день с Ларой, и увез жену домой.

А Лизин телефон разрывался весь вечер – Сережа звонил не переставая. Она боялась взять трубку, понимая, что не сможет ничего объяснить. Он не поймет, что сегодня она нужна была Ларе сильнее, чем ему. Объяснить ему такое невозможно. А другого объяснения у нее не было. Лиза долго не брала трубку в надежде, что телефон просто разрядится, но он позвонил на домашний. Мама позвала ее к телефону, пришлось ответить.

– Ты грязная шлюха! – орал в трубку Сережа. – Где ты шлялась весь день? Я видел тебя! Видел, как ты с намалеванной мордой разъезжала с этой шалавой Ларкой! К клиентам ее возила? Сама подзаработала?

Лиза слушала его слова и плакала. Она не заметила, что отец стоит за спиной и все слышит. Как же она была глупа в тот момент и как сейчас ей неприятно это вспоминать. Как-

то брезгливо, что ли. Тогда для нее это были просто слова, выражающие любовь и ревность. А сейчас она злилась на себя: как можно было быть настолько недалеко, чтобы не понимать, что ни любовь, ни ревность не вызывают слез от страха, обиду и злость?

Все решилось моментально.

Отец выхватил трубку и спросил: «Что ты сейчас ей сказал?» И Сережа больше не позвонил ни разу. Отец спокойно положил трубку, Лиза начала оправдываться перед отцом – где она была и что делала, в деталях, плача, пересказала маршрут их движения по городу, расписала по минутам все время, вытрясла из кошелька чеки из кафе и даже собралась набрать номер Лары, чтобы попросить подругу подтвердить сегодняшний день... Словом, она делала то, что обычно требовал Сережа. Отец мягко собрал ее вещи, выпавшие из сумки, отключил ее телефон и сказал: «Я тебе верю без всяких доказательств, принцесса. Я горжусь, что у меня такая дочь. Никогда больше не отвечай на его звонки, я сделаю так, что он забудет о тебе».

Сначала Лиза испугалась. Ужас от того, что она больше никогда не увидит Сережу, не услышит его голоса, был невероятным. Он сковал ее всю, она легла в кровать и слабо пожелала вошедшему брату спокойной ночи. Она боялась даже пошевелиться – сердце готово было разорваться на части.

Но с каждым часом расставание приносило – как бы удивительно это для нее ни было – облегчение. С каждой минутой она понимала, что дышать становится легче и легче... Давящая на сердце муть рассеивалась, Лиза как будто отходила от тяжелой болезни, конца края которой не видела. К утру, когда первые лучики солнца стали слабо пробиваться сквозь легкий тюль, она поняла, что свободна. Поняла, что может улыбнуться. Поняла, что может глубоко дышать и больше не бояться ничего. На душе слабо трепыхались остатки страха, что Сережа выследит ее, опять будет оскорблять или даже ударит, но с полным восходом солнца умерли и они.

Сережа не встречал ее у Академии искусств, не ждал у подъезда. Он не посещал ее страницу в Одноклассниках и не писал на «Фейсбуке». Он исчез так стремительно и бесследно, что ей осталось признать только одно: Лара была права. Ничего, кроме желания владеть вещью, Сережа к ней не испытывал.

Арсен был совершенно другим.

Он звонил и писал, но никогда не делал этого настойчиво. Если Лиза не отвечала какое-то время, то он перезванивал и взволнованным голосом спрашивал: «Что случилось?» Он не кричал, что она смеет игнорировать его вопросы, а по-настоящему беспокоился. Он не обращал внимания на то, как она общается с другими мужчинами, ему было все равно, кому она улыбнулась. Он знал, что его место рядом с ней и она хочет этого. И точно так же он знал, что сегодняшний день не дает никаких гарантий на завтра. Он хотел, чтобы утром она проснулась с мыслями о нем, но никогда не настаивал на этом. Когда случалось так, что по утрам они просыпались вместе, Арсен старался сделать все, чтобы это утро отличалось от других таких же в его доме. Ему было важно, чтобы от него Лиза уходила с улыбкой и хотела поскорее вернуться к нему. Он не требовал от нее ничего, а она понимала, как хорошо и приятно быть свободной. И если с Сережей она мечтала поскорее остаться одной, сбежать от него и отключить любые способы связи, то к Арсену, наоборот, хотела всегда.

* * *

– Вы можете идти домой, – сказала она няне.

Няня положила маленького Никитку в колыбельку и удалилась. Лиза начала потихоньку собирать вещи. Она заплатила няне вперед на две недели, но завтра ее с сыном уже здесь не будет. Они должны уехать. Несмотря на то что она пригрозила Карме и Башу, ее выслеживают. Лиза видела одного и того же молодого человека в супермаркете неподалеку от отеля, она посмотрела ему прямо в глаза, и парень тут же скрылся, распахивая всех на своем пути.

Она все поняла – Башу держит ее на контроле. Эта тварь решила присмотреть за своей собственностью.

День расчета – завтра. Она придет в означенное место, заберет деньги и растворится в Америке. Они никогда не найдут ни ее, ни Никитку.

Лиза пересчитала наличность – почти сто двадцать тысяч долларов, ей хватит на жизнь, даже если Башу не даст ни цента. Конечно, при условии, что она снимет недорогое жилье и найдет работу. Вся необходимая подготовка проведена – у нее есть полный пакет документов гражданки США, включая документы на сына.

Свой новый паспорт в Америке Лиза еще не использовала. Она не покупала подделку, это был живой человек, у которой забрали личность. Вернее, женщина сама ее продала. В мире давно практикуется такая торговля – собственной личностью. Ты отдаешь собственные документы, а сам не пользуешься ими никогда. Даже в самых крайних случаях проданные личности не всплывают – за этим следят те, кто получает комиссию. Следят вечно.

Лиза знала, что Марта Хадсон умерла три года назад от передозировки наркотиков. Она жила в приюте, где у нее и купили личность. Она похоронена в могиле неопознанных, и Лиза дорого заплатила за то, чтобы стать Мартой Хадсон. Собственно, купить документы живого человека стоит не так дорого, порядка пяти-шести тысяч долларов, а вот документы мертвеца оценивают в десятки раз дороже, ведь они с пожизненной гарантией. Эти документы были три года «законсервированы» на предмет поисков и прочих объявлений родственников, но никто так и не объявился. У Марты было образование психолога, и Лизе это близко, несмотря на то что она училась на искусствоведа. И Лиза купила себе ее личность. Они были одного года рождения, только разных месяцев – Лиза родилась в январе, а Марта – в сентябре. Но это не страшно, Лиза никогда не любила свой день рождения. Марта родилась в Сан-Франциско, а умерла в Чикаго. Лиза решила покинуть оба города и переехать в Нью-Йорк, где ее никто не знает, да и не захочет узнать.

Малыш уснул. Лиза не стала выключать свет и села, чтобы спокойно почитать книжку. Она купила в книжном несколько книг по домашней психологии на английском языке. Возможно, это заинтересует ее настолько, что она захочет работать домашним психологом. Книжки были сложные – даже несмотря на то, что написаны для людей, ничего не понимающих в этой профессии. Терминологии мало, но много глубоких фраз, объемных, требующих легкого понимания, а не такого стопорного, как у нее. Английский стоит подтянуть.

Внезапный стук в дверь почти лишил ее чувств. Лиза бесшумно подошла и посмотрела в глазок. На пороге стоял тот самый человек, которого она засекала в супермаркете.

– Что тебе нужно? – спросила она через дверь.

Рукой Лиза нашарила пальто, достала из кармана небольшой пистолет, который был не заряжен. Она не боялась ходить по улице с заряженным оружием, но в номере всегда разряжала его. Патроны лежали в тумбочке, до которой еще нужно пройти.

– У меня для вас посылка, – сказал парень и показал пакет. Обычный черный пакет. В котором наверняка или бомба, или сибирская язва, но никак не деньги. – Здесь все, что вы просили. Я кладу у двери и ухожу.

– Если я открою дверь и увижу хоть кого-нибудь, стреляю сразу.

– Я ухожу.

Лиза наблюдала, как он кладет пакет и уходит. В конце коридора парень обернулся, помахал рукой и скрылся в лифте. Она открыла дверь, быстро затащила пакет в номер и раскрыла. Пачки денег.

Лиза вывалила их на кровать. Тугие пачки стодолларовых купюр, перетянутых резинками. Много денег, очень много. Обязательно нужно пересчитать. Но почему он отдал деньги на день раньше?

Потому что она засветила слезку. Башу решил показать, что его не стоит бояться. И в его слезке нет ничего страшного. Как бы не так!

Лиза сделала два звонка. Первый – в службу охраны, попросив немедленно прислать охранников для сопровождения в аэропорт. Второй – консьержу, которого попросила организовать максимально быстрый чартер в Нью-Йорк. Она гарантировала двойной тариф за услуги, если он сможет организовать перелет инкогнито, вообще без документов. Ее след должен остаться в Чикаго.

Она пересчитала деньги пачками. Ровно. Ровно пятнадцать миллионов. Остается надеяться, что эти деньги не меченые, не краденые, не поддельные. Но с этим тоже разберется консьерж. Она разделила деньги на пять частей и уложила в два чемодана, перемешав с вещами.

Под пачками денег было два листа бумаги. Письма. Оба напечатаны на компьютере.

«Лиза!

Я должен извиниться перед тобой за поведение моего брата Башу. Когда он разговаривал с тобой, он был не в себе. Ведь он узнал трагическую новость: его любимый племянник будет навсегда прикован к инвалидному креслу. В этом нет твоей вины.

Я заплатил тебе требуемую сумму и надеюсь, что мы с тобой в расчете. Я не смею просить тебя о свиданиях Арсена с сыном, он действительно этого не заслуживает. Он не научился управлять людьми и не смог приручить свою женщину. За что и поплатился.

Я хотел сказать тебе о нескольких важных вещах, которые ты должна учитывать, воспитывая сына-цыгана. Как бы ты ни хотела обратного, в маленьком Никите течет моя кровь, кровь настоящего цыгана. И корни будут проявляться в нем. Он будет заботиться о тебе, он не подпустит к тебе ни одного мужчину. Цыгане ревнивы, и ты в его глазах всегда будешь принадлежать единственному мужчине – его отцу. Если ты попробуешь разубедить его в этом, он может поверить, но лишь на некоторое время, а потом снова будет тебя защищать.

Мы никогда не станем тебя преследовать и не станем делать чего-то, что могло бы нанести вред нашей семье. Ты всегда будешь почетным гостем на наших семейных торжествах, если соизволишь явиться.

Я не верю в то, что ты своими руками разрушишь жизнь своего сына и расскажешь обо всем, что наделала. Да, ты многое наделала. Но я могу тебя понять. Ведь я делал куда более страшные вещи ради своей семьи, ради любви к своей женщине и своему сыну. Не беспокойся об Арсене, о нем позаботятся его двоюродные братья и мать. С ним все будет хорошо.

И последнее: я прошу тебя, не вини его ни в чем. Он действительно любит тебя и своего сына, моего внука. Но он делал все ради своей семьи. Теперь представь, насколько ты в безопасности. Мой табор костями ляжет, чтобы ты и ребенок были целы и невредимы.

Мне жаль твою семью. Но наша семья никогда не будет в безопасности, пока жив твой брат. Арсен сделал все, чтобы сохранить жизнь твоей матери и твоему отцу. Но твой отец решил сделать по-другому, и у нас не осталось выхода. Мне очень жаль, что твой брат пошел по стопам отца и до последней минуты хотел воздать мне по заслугам. Это не моя вина, а твоя. Это ты согласилась сделать то, что было сделано. Если бы ты не согласилась, мы нашли бы другой способ, и в этом случае пострадал бы только твой отец, если бы отказался передать более компетентным людям облаву на наш табор. Я думаю, все бы обошлось, но как знать. Но ты и сама об этом прекрасно

знаешь. Я чувствовал некоторую вину перед тобой за смерть твоих близких, но ты очень легко ее сняла, это стоило всего пятнадцать миллионов.

На этом все. Передавай привет моему внуку. Надеюсь, он с каждым днем все больше похож на отца. И на меня.

Письмо от Арсена я попрошу Карму отправить тебе, как только он его закончит. Не переживай, он не держит на тебя зла.

Барон».

Лиза не могла не признать правоту Барона во всем, что он написал. Это действительно ее вина, и она действительно видит, как с каждым днем ее сын становится похожим на отца. Никита совсем кроха, но своенравие, так присущее Арсену в его поступках и словах, упругим стержнем просматривалось в каждом движении маленького мальчика. Но она не могла злиться на это, она любила своего ребенка. Его личико стало приобретать черты мужественности, присущей цыганским мужчинам, волосы становились темнее и гуще, а губы наливались изящным контуром.

Слова Барона тронули откровенностью. Он не хотел ее в чем-то обвинить или обидеть, он говорил ровно то, что было на самом деле. И несмотря на то что в письме было больше неприятных и плохих слов, Лиза невольно чувствовала симпатию к этому человеку.

Второе письмо было от Арсена. Короткое, всего на одну печатную страницу. И она уловила общий смысл, окинув его взглядом, пытаясь разобрать подпись – глаза уже застлало влагой. Несмотря ни на что, читать письмо от человека, которого больше никогда не увидишь, довольно тяжело. Тем более такое письмо.

«Любимая, привет!

Я не напишу ни единого слова, которое бы осудило тебя. Пожалуйста, прости меня за все, что я тебе причинил. Прости, Лиза!

Я ни на что не надеюсь и ни о чем не прошу тебя. Я хочу освободить тебя.

Будь счастлива, моя любимая! Люби нашего сына! В нем есть только самое лучшее от нас обоих. Я очень люблю тебя и очень люблю нашего сына!

Пожалуйста, открой свое сердце другому мужчине, не будь одинокой. Ты заслуживаешь счастья. Ты заслуживаешь быть любимой. Мне без разницы, кто будет этот мужчина, неважно какой национальности, каким способом он зарабатывает на жизнь и сколько зарабатывает, какого он телосложения, какое у него образование, есть у него татуировки или нет... Мне безразлично это все. Главное, чтобы у нас с ним было общее: пусть он любит тебя так же сильно, как и я.

Будь счастлива, любимая.

Люблю тебя, Арсен».

Возможно, позже. Возможно, не сейчас. Это письмо нужно было прочесть не сейчас, ему стоило написать это позже. Сейчас она прочла и еще раз удостоверилась, что ненавидит Арсена. Он, видите ли, ее простил, отпустил и пожелал мужчине хорошего! Эта гнида, которая разрушила ее жизнь, погубила всю ее семью... Он желает ей быть счастливой! Он!

Лиза порвала оба письма на маленькие кусочки и смыла в унитаз.

Ледяной водой умыла лицо. Никитка ни при чем. Она должна сделать так, чтобы малыш никогда не узнал про тот кошмар, в котором родился. Он не должен ничего знать. Она навсегда сотрет из своей памяти этих людей, их любовь и ненависть. Сожжет все мосты и больше никогда не вспомнит Арсена и его родных. «Это они во всем виноваты!» – твердила себе Лиза. Но сердце упорно саднило обратное: виновата ты.

Барон заплатил огромные деньги, откупившись от своих грехов. Но ее грех останется с ней навечно. Ей некому заплатить за то, чтобы снять с себя вину.

Ника

Каких сил мне стоил этот визит в «Красные холмы»! Я не нашла одежду и пришлось бежать в торговый центр, слава богу, от моего дома он недалеко. Платье 56-го размера нашлось только черное, но, на удивление, оно неплохо на мне сидело. Я купила его и помчалась домой. Дома привела себя в порядок, вспомнив, где валяется косметичка. В шкафу обнаружились черные туфли, идеально подошедшие под платье, и в конце концов около семи часов я выехала со двора.

Пробок в центр, слава богу, не было. За сорок минут я добралась.

В холле отеля меня встретил Джо, мы обнялись, он сказал, что Брэдли совсем плох и совершенно отказывается спускаться.

– А Вася уже здесь? – поинтересовалась я.

Джо кивнул.

– И что Брэдли? Тебе совсем никак не удалось стащить его сюда? За яйца пробовал?

Джо беспомощно посмотрел на меня. Я решила, что Джо уже сделал одно чудо – притащил Брэдли в Москву, поселил в отеле. Теперь осталось самое малое – заставить его спуститься вниз.

– Дай мне ключ от вашего номера, – велела я.

Как должен выглядеть идеальный мужчина? Внешность в данном случае не обсуждается совершенно. Неважно, плешив он или с пышной шевелюрой, толст или атлетически сложен (или добился идеальной фигуры сам, нарцисс чертов), размер также не имеет значения. Важно, чтобы мужчина был в себе уверен. Уверен в своей сексуальности, в своем положении. Все, что он делает, должно строго соответствовать его внутреннему ГОСТу, его стандарту, его принципам и законам. Вот этот мужчина – идеальный.

То, что я увидела в номере, мужчиной назвать язык не поворачивался. Это тряпка, расплывшаяся на полу, рыдающая, в позе эмбриона. Глухой вой брошенной девы. Скрещенные туфли, подтянутые к подбородку колени, рукава пиджака вместо носового платка. Омерзительное зрелище.

– Брэдли, ты debil.

Я подошла к нему, легонько пнула по ноге. Он зарыдал еще громче. Я, скривившись от отвращения, сходила в ванную, налила в стаканчик для зубных щеток воду, вернулась и вылила ему на голову. Брэдли вскочил с ревом:

– Что ты себе позволяешь?!

– Иди умойся, смотреть противно.

Наверное, что-то в моем лице подтвердило, что смотреть на него действительно противно. Брэдли пару секунд испепелял меня взглядом, а потом развернулся и ушел в ванную. Я кинула на пол полотенце, валяющееся на кровати, и вытерла воду.

– Все на месте? – спросил он, вернувшись.

– Да, ждем только тебя, принцессу.

– Прекрати.

– Ты готов?

– Да.

– Тогда идем.

И правда идем, спускаемся на лифте. Я приглаживаю его галстук, он отстраняет мою руку. Я улыбаюсь, а он хмурится. Брэдли был не готов предстать передо мной в виде рыдающей бабы, а я не готова была его таким увидеть. Все-таки я была немного влюблена в него. В его настрой, умение встать и делать. В то, что у него всегда все под контролем. А сейчас увидела,

что он самый обычный человек, без сверхспособностей. Мой кумир оказался обычным человеком, с бабскими психозами. Какое разочарование.

– Не ожидала меня увидеть таким, да? – спросил Брэдли тихо.

– Ты угадал, – ответила я. – Совсем не ожидала. Мне всегда казалось, что ты сильный человек.

– А я и есть сильный, – ответил Брэдли. – Просто на меня многое свалилось.

– Брэдли, если ты думаешь, что такое вот соплежуйство может хоть кого-то растрогать, то ты опоздал лет на десять. В шестнадцать это выглядит трогательно, а в твои почти тридцать – ужасно. У слабых мужиков нет шансов на выживание и на продолжение рода, кстати, тоже.

Получай, решила я. Ты хотел быть человеком, который готов сразиться со мной на равных, – на. Видел бы он меня неделю назад – я бы ему такое не сказала. Но неделю назад его рядом не было. Брэдли решил, что его собственное горе в виде развалившейся карьеры драма куда серьезнее, чем моя депрессия, и просто уехал и даже не звонил. И за что я ему должна быть благодарна? Что бросил в трудную минуту из-за своих соплей? Да катись ты к черту со своими соплями теперь, тряпка!

Я была зла. Практически вне себя.

Честно признаться – я вообще не знаю, был ли у Брэдли хоть какой-то шанс после того, как он улетел из Москвы, обещав вернуться, но так и не вернулся. Я отпустила его и плакала – я думала, что, несмотря на «паузу» в наших, так сказать, «отношениях», есть что-то, что не позволит ему просто раствориться во времени. Ему нужно было слетать в Америку, чтобы решить вопросы, в том числе мои. Но до Америки Брэдли не долетел – на первой же пересадке в Амстердаме он остался, спился, скурился, страхался и тому подобное. Джо разыскивал его неделю и постоянно звонил мне, спрашивал – не объявился ли. А потом позвонил и рассказал, что нашел его в каком-то притоне, обкуренного, облеванного и невменяемого. Наверное, Джо не знал, что у нас с Брэдли что-то начиналось, иначе никогда не выдал бы мне брата. Но он не знал, а я ему сообщила это только после того, как все услышала. И тогда Джо заявил, что я поступила неправильно, что я должна была ему рассказать обо всем до того, как он мне неприглядные подробности. Возможно, поэтому Джо считал, что я ему должна. Честно признаться, я тоже так считала.

Но в «Красные холмы» я приехала не потому, что должна Джо, в конце концов, это только его промах. Я хотела увидеть Брэдли и понять – осталось ли за это время, почти год, хоть что-то, что болью отзовется в сердце.

Но нет – мне даже не было его жаль. Только разочарование.

Как будто не было этого года. Мы снова вместе, нет только Димки. И Брэдли, и я, и Васька внимательно слушали то, что говорит Джо, и понимали – это действительно нужно сделать. Этот альбом должен увидеть свет. Димка хотел этого, но у него не получилось. Я уверена, если у него была бы возможность пройти сквозь сумеречную зону и вернуться в этот мир, извлечь скользкими от крови пальцами пулю из сердца и заштопать шершавыми нитками дыру в теле, он бы сделал именно это. А сейчас это должны сделать мы.

Не знаю, как другие, а я должна. Должна Димке. Я всем кругом должна. А себе я не должна ничего. И я согласилась. Первой.

– Я тоже, – ответил Вася. – Все, что нужно от меня, я сделаю. Джо, команду.

– Брэдли? – спросил Джо.

А Брэдли пил кофе, малодушный придурок.

– А что я могу?

Я потеряла терпение и отвесила ему громкую пощечину.

– Прекрати немедленно, безвольный придурок, – проговорила я тихо. – Возьми себя в руки. Никто тебя уламывать не будет. Тебе дают шанс принять участие в важном проекте.

В Диминой смерти виноваты мы с тобой. У тебя есть шанс попытаться искупить часть вины, сделать что-то важное и нужное. Хочешь дальше подышать, тогда вставай и вали отсюда.

Брэдли посмотрел на меня со злостью.

– И не смотри на меня так, как будто можешь меня ударить. Ты даже на это не способен.

За столом повисла тишина, все молча ждали, когда ситуация выйдет из-под контроля. Во мне бурлили эмоции. Из-за уныния Брэдли и его нежелания взять себя в руки проект с выпуском альбома может провалиться, а это было бы ужасно несправедливо по отношению к Димке. В то же время я прекрасно понимала Брэдли – не хотелось вообще ничего. Хотелось напиться и орать, лететь сквозь пустоту, как будто завтрашнего дня не будет.

Я выжидающе смотрела на Брэдли. Он краснел с каждой секундой все сильнее и сильнее. Моя пятерня отпечаталась на его щеке белыми полосами, наверняка это место очень жгло. Не столько болью, сколько унижением.

– Хватит! – громыхнул Вася и выразительно ударил по столу кулаком. – Я предлагаю всем немедленно замолчать и подумать не о себе. Ника, перестань тиранить Брэдли. А ты, Брэдли, соберись.

Я хотела было открыть рот и сказать все, что думаю обо всех присутствующих, но получила выразительный пинок под столом и острый взгляд Брэдли. В его глазах читалось: «Разберемся позже». От неожиданности я промолчала.

– Я в деле, – сказал Брэдли.

– Отлично, тогда предлагаю обсудить план, – улыбнулся Джо. – В штабе в Лондоне для вас организуют помещение, где вы сможете работать. Там будет все, что нужно.

– А деньги? – спросила я.

– Об этом я позабочусь.

Было еще два вопроса, с которыми предстояло разобраться: иски и права. Джейкоб Коннор заявил ко мне иск, а еще по одному привлек меня в качестве соответчика – этот иск инициировала страховая компания, которая что-то возместила «Коннор Дистрибьюшн» и теперь желала вернуть свои деньги обратно. Моя персональная ответственность по этим искам – пять миллионов, разумеется, долларов (и столько же – у Брэдли). Откровенно говоря, мне плевать на эти иски. Процесс будет проходить в Америке, и исполнить решение американского суда в России практически невозможно. Другое дело – права. У Джо есть права на все нереализованные песни, но нет права на бренд. Имя Джейсон МакКуин по-прежнему принадлежит «Коннор Дистрибьюшн», и у нас нет права выпускать продукт под этим брендом. То есть песни можно, а вот альбом – уже нет. Даже сборник – нет. Только песни в качестве синглов. Но если мы собираемся заключать сделки с «Коннор Дистрибьюшн» на покупку прав, то в этой сделке я не должна участвовать никаким боком, равно как и Брэдли, – потому что в этом случае суд арестует актив и взыщет все доходы.

Теоретически все права может выкупить компания Supreme, принадлежащая Джо, но есть небольшая загвоздка: напрямую Supreme такой контракт не потянет. Бренд стоит дороже песен, причем оплачивается ежемесячно. То есть существует определенная плата в месяц за право продавать альбом под именем Джейсона МакКуина, и если мы решим поступить хитро: подготовить все заранее, а потом купить права на месяц, чтобы осуществить выкладку диска во всех магазинах мира, где нам захочется, то есть осуществить это правомерно, а дальше права не продлять или продлить через какое-то время, чтобы выложить дополнительный тираж, то тут нас ожидает сюрприз. Если прав на бренд нет, то никто альбом продавать не может. То есть в момент окончания срока аренды прав мы обязаны отозвать товар отовсюду и возместить всем убытки, в противном случае этот товар считается нелегальным и нас ждет огромный штраф.

Конечно, мы могли бы выпустить альбом с другим именем, скажем, просто «Джейсон», но ведь никто не будет знать, что это Димины песни. Да уж... Ладно, где наша не пропадала, разберемся на месте.

Зазвонил телефон. Сначала у Васьки, потом у Брэдли и Джо. Сообщения.

– Ни черта не понимаю, – сказал Вася. – Мне пишут, чтобы я срочно включил CNN. Там что-то связанное с Джейсоном МакКуином. Его интервью. Мы записывали какое-то интервью, которое при жизни Димы было не опубликовано?

Джо и Брэдли тоже писали знакомые, призывая включить CNN.

У Джо бы с собой планшет. Он вышел в Интернет. Нашел страницу телеканала, на главной странице был огромный билборд с фотографией Джейсона МакКуина, сидящего в большом красном кожаном кресле. Снизу строчка – «Джейсон МакКуин: в моей смерти виновато правительство США». Дима был в футболке, джинсах – я не помню, чтобы мы записывали это интервью. Я такого не помню!

– Ника? – спросил Джо.

– Не помню, – ответила я. – И я не хочу это смотреть. Это какая-то подстава.

– Но на фото – он! – воскликнул Вася. – Джо, включай.

Джо нажал кнопку воспроизведения. Фото ожило. И я заплакала.

– Меня зовут Джейсон МакКуин, это мой псевдоним и так написано в моих документах. Это вымышленное имя, придуманное для того, чтобы я мог участвовать в программе защиты свидетелей в Америке. Родился я в Иркутске, это Россия, Сибирь. При рождении меня звали Александр Лавров, однако после того как Наркобарон убил моих родителей и сестру, меня поместили в российскую программу защиты свидетелей и присвоили имя Дмитрия Грановского. Так или иначе, я – тот человек, который видел Наркобарона в лицо и может его опознать. Я не говорю его имя, потому что не знаю его имени. У меня есть фото, вот, я его показываю – это он, на первой полосе газеты «Таймс Легал». Тут еще заголовок: «Адвокаты Наркобарона оказались умнее и не дали слова покойнику». Покойник молчать не будет. Сегодня, восьмое июня, я жив. Вполне возможно, что после моего заявления я не доживу до того дня, когда смогу выступить в суде и рассказать все, указать на Наркобарона. Поэтому мы записываем это видео. Человек на фото в газете убил моих родителей и мою сестру. Он держал меня в плену, в клетке, как животное. И это он нанял убийцу, чтобы снести мне голову на сцене во время концерта в Москве, но правительство США опередило его, инсценировав мою смерть. Я обращаюсь ко всем, кто меня сейчас смотрит: если я не смогу выступить на суде над Наркобароном, знайте – меня убили на самом деле. Спасибо за внимание.

Глава 4

Саша

Я не должен был дышать.

Свет погасили через сорок девять секунд после того, как я упал. Я посмотрел видео. Но мне эти сорок девять секунд показались вечностью. Я держался из последних сил, а когда свет наконец вырубил, я вздохнул полной грудью и практически моментально был снят со сцены мощным рывком. На рот сразу наклеили липкую ленту, не дав мне даже пикнуть.

Агент Томпкинс сказала, что на видео должно быть отчетливо видно, что я не дышу. И я не дышал.

Зрители светили телефонами, но меня накрыли огромной черной тканью и запихнули куда-то под сцену, где тут же размотали и волоком дотащили до выхода. Я не успел заметить того, кто, пригнувшись, тащил меня под конструкцией сцены. Наготове стояли носилки на колесах, я лег на них и закрыл глаза. Носилки были не простые, а с бортами; сверху набросили все ту же черную ткань, прикрыв все, даже голову. Борты были выше моего живота, и я мог спокойно дышать (правда, только носом), не привлекая внимания. Носилки неслись с огромной скоростью, врезаясь, соскальзывая и петляя; я боялся, что сейчас мы врежемся во что-нибудь – и все, я свалюсь и по-любому как-нибудь шевельнусь, и все пропало. Но нет, мы благополучно остановились, меня перегрузили в фургон, двери захлопнулись, меня попросили снова притвориться мертвым и сфотографировали.

Машина тронулась, и мне разрешили освободить рот, что я и сделал с большим удовольствием. Меня сопровождали трое – двое сотрудников ФБР и один врач. Один фэбээровец расстегнул мой концертный жилет и извлек пакет с «кровью». Он спросил, не хочу ли я надеть жилет обратно, я отказался. Вид крови, пусть даже ненастоящей, пугал меня.

Меня трясло. Машина ехала. Все молчали.

Раздался телефонный звонок, и второй фэбээровец ответил, что все в порядке, скоро мы прибудем к вертолетной площадке. Врач сделал мне укол успокоительного, и я лег на носилки. Мне сказали, что я могу спать, что я и сделал, впрочем, бессознательно. Я смутно помню, как мы припарковались у вертолетной площадки, как меня погрузили в дико вибрирующее воздушное судно, как стальным крюком меня подняло в небо.

Окончательно я пришел в себя уже в самолете, летящем в Америку. Со мной находились все те же: врач, два агента ФБР, плюс к ним присоединилась агент Томпкинс.

– Операция прошла успешно, – сухо сказала она. – Будем надеяться, что все не зря.

Я кивнул. А что мне оставалось делать? Выбора у меня не было.

* * *

Выступление в Лондоне оказалось самым слабым из трех прошедших, и я знаю почему: потому что до того, как я спустился на арену O2, у меня состоялся разговор с агентом Томпкинс. Очень неприятный и тяжелый разговор. Я вынужден был согласиться на их условия.

Она ждала меня наверху, возле куба, в который я должен был залезть, чтобы спуститься на сцену. У нас было не больше трех минут на тот разговор. Когда я увидел эту женщину, то сначала испугался. Обычно здесь никого, кроме работников сцены, не было, и обычно это двое мужчин. А сейчас возле куба стояла женщина с тросами безопасности в руках.

– Есть разговор, мистер МакКуин, – сказала она сухо.

– Мне сейчас некогда, – ответил я. – Мое выступление начнется через три минуты. Можно поговорить позже?

– Нет, мы поговорим сейчас. Не беспокойтесь, я помогу вам с оборудованием. Идите, не бойтесь, я получила инструкции от работников сцены. И поверьте, моя квалификация куда выше.

Она обмотала меня тросами безопасности, и я залез в куб. Я стоял спиной к ней и слушал ее сухой голос, пока она крепила ремни безопасности к кубу.

– Ситуация очень непростая, мистер МакКуин. Я скажу вам две вещи, которые вы должны знать: вы все еще под программой защиты свидетелей, но только не русские вас защищают, а ФБР, то есть правительство Штатов. Скажу сразу, что нам крайне важно, чтобы вы выжили. Ваша жизнь – залог успеха одного очень громкого дела против известного вам Наркобарона. И второе – вас заказали, и на одном из концертов постараются убить. Мы сделаем все, чтобы спасти вам жизнь, но, если мы сейчас не договоримся, это шоу будет последним в вашей жизни. Мы спрячем вас, мы вынуждены это сделать, чтобы сохранить вашу жизнь. Сколько вы будете под замком, я не знаю, но, наверное, долго. Так что можете попрощаться с залом через полторы минуты.

Она выдержала паузу в несколько секунд:

– Но есть вариант, который согласован с правительством и прокурором США. Мы инсценируем вашу смерть на одном из шоу. Вы исчезнете, этого не миновать, но, как я надеюсь, ненадолго. Если Наркобарон поверит в вашу смерть, он утратит бдительность. Ведь он боится только ваших показаний, и в этом он прав. Только вы его знаете в лицо.

– Нет, с ним была целая армия! Они все знают, как он выглядит.

– Ни один из тех, кого взяли в России, не признался, – ответила агент Томпкинс и затянула ремень на поясе туже, чем следовало. – Они отказались от сделки с правосудием, получили по двадцать лет, но упорно хранят молчание. Я продолжу, если позволите. После вашей инсценированной смерти мы возьмем Наркобарона и инициируем уголовный процесс, в котором вы неожиданно для всех выступите. Правительство США отблагодарит вас за труды и неудобства, будьте уверены.

– А если он не поверит? Ведь его киллер скажет, что не убивал.

– Мы постараемся арестовать исполнителя, – ответила агент. – Но такой вариант не исключен. В этом случае вы будете сидеть под охраной столько, сколько нужно. Как видите, вариантов у вас всего два.

– Вариантов нет вообще. Я отказываюсь от вашей помощи, пусть убивают, – сказал я горячо.

– Нет, мистер МакКуин, к сожалению, такой вариант невозможен, – ответила агент Томпкинс. – За воспрепятствование правосудию вы будете осуждены и помещены в специальный изолятор, и там обеспечить надлежащую защиту даже легче. Но как долго вас там продержат – неизвестно. Возможно, всю жизнь. А если пойдете на сотрудничество, то, скорее всего, заключение не займет больше полугода.

– Ну что, вы готовы сказать залу «Прощай»? – спросила агент жестко.

– Нет, – ответил я.

– Ваше «нет» звучит как «согласен». Или я ослышалась?

– Не ослышались, – ответил я. – Я согласен. Вы не оставили мне выхода.

– Выход есть всегда, – сказала агент. – Удачного выступления.

* * *

Мое заключение длится уже больше года. В моей жизни оно самое, пожалуй, сложное в эмоциональном плане. Я не испытывал страха и думал, что будет проще. Но, оказывается, чувства вины, обиды, злости могут разъедать куда сильнее самого сильного и острого страха.

Из самолета я вышел на негнущихся ногах. Мне рассказали, как отреагировала Ника, как она пыталась взобраться на двухметровую сцену и упала на рельсы, а потом ворвалась за кулисы, кричала мое имя и рыдала. Я представил, что она чувствовала, пытаясь отыскать мое тело, увидеть своими глазами... Это страшное чувство, я знал его – ведь я не видел тел ни матери, ни отца, ни Лизы. Я знал, что отец и мать мертвы, но мне не дали проститься с ними, а тело Лизы так и не нашли. Может быть, это и хорошо. Я не знаю, как они выглядели мертвыми, в последнюю минуту их пребывания в мире живых до того, как закроют крышку гроба. Я всегда буду помнить их такими, какими они были в то утро: мама и Лиза – счастливые и сонные, а отец... Я не видел его, только слышал тихие шаги по квартире, когда он собирался на работу. Я уже не спал, дремал, не хотел вставать, мне было лень. Хотя мог провести эти последние минуты с отцом, проводить его на работу, выпить с ним утренний кофе. Отец любил крепкий кофе утром, без сахара и сливок. Если маме удавалось застать его врасплох, она готовила овсяную кашу, ворча, что он не заботится о желудке, отец послушно все съедал, хотя он, как и я, терпеть не мог овсянку. Да и любую кашу в принципе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.